A vibrant autumn landscape featuring a field of golden-yellow grass in the foreground, a line of trees with colorful foliage in the middle ground, and a small barn or house partially visible. The sky is filled with soft, white clouds. In the top left corner, there are branches with bright orange and red leaves.

Валерий Голиков

**ВСЁ,
ЧЕМ ЖИВУ**

Избранная лирика

Валерий Голиков

**ВСЁ,
ЧЕМ ЖИВУ**

**Избранная
лирика**

**Ярославль
2016**

УДК 821.161.1-1 Голиков

ББК 84(2=411.2)6-5

Г60

Голиков В. П.

Всё, чем живу : избранная лирика / Валерий Голиков : фот. М. С. Соколова, В. П. Голикова. – Ярославль : АверсПлюс, 2016. – 196 с.

Валерия Голикова можно назвать поэтом прошлого века, так хорош его русский язык, так чисты и душевны строки его стихотворений, идущие от земли. В них - лирические портреты его предков, деревенской ребятни, картины природы. Детство его прошло в российской деревне, среди доброго, работающего крестьянского люда, откуда он до сих пор черпает темы для своей поэзии. Но не только детские годы волнуют поэта. Полувековой период городской жизни, служба в органах безопасности, работа на крупных промышленных предприятиях в период распада СССР, где он был участником и свидетелем многих политических и социальных событий, наполнили его поэзию другими красками. Переживания за судьбу страны, за народ, пострадавший в периоды неразумных перемен, звучат в стихах поэта порой остро и жёстко. Он не скрашивает действительность, пишет честно и ясно. Наверное, это и есть патриотизм.

ISBN 978-5-9527-0292-9

© Валерий Голиков. Избранная лирика, 2016

© Аверс Плюс, 2016

**Выражаю искреннюю благодарность
за помощь в издании книги:**

**Бируку Николаю Ивановичу – г. Гаврилов-Ям,
Быковой Фаине Васильевне – г. Гаврилов-Ям,
Годикимичеву Алексею Владимировичу – г. Ростов Великий,
Живоронкову Виктору Александровичу – д. Прошеново,
Костиной Наталье Владимировне – г. Ростов Великий,
Потапову Петру Петровичу – г. Ярославль,
Серебрякову Владимиру Ивановичу – г. Гаврилов-Ям,
Сokolovu Михаилу Сергеевичу – г. Ростов Великий.**

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Родился я 6-го августа 1946 года в с. Курба Ярославской области. Детство моё прошло у бабушки с бабушкой по матери, в деревне Кочегино Ярославской области. Дедушка, Иван Дмитриевич Соколов (в деревне его звали просто «Митрич») был известным на всю округу жестянщиком: крыл крыши, мастерил вёдра,

умывальники и, естественно, занимался сельским трудом. Бабушка – Матрёна Васильевна - вела домашнее хозяйство. Детство, проведённое в деревне среди красоты российской природы, трудолюбивого, доброжелательного и весёлого народа, заложило во мне невероятную концентрацию любви к малой родине. Дед Иван был сильным мужиком, считался в деревне одним из лучших косцов, умел грамотно метать стога и ставить скирды. Скирды ставили до четырёх метров высотой и около десяти - длиной. Дед обычно работал на завершающем этапе – закрытии скирды. Нужно было так уложить солому, чтобы осенние дожди скатывались и не проникали внутрь скирды. Дедушка часто брал меня с собой, я лазал с ним по стогам, кувыркался в пыльной соломе. Восторг зачастую не вмещался в душе, хотелось петь, кричать, а позже как-то само собой стали выплескиваться рифмованные строки.

В детстве мне казалось, что деревни наши живут легко, весело, радостно. С полевых работ женщины и молодухи обычно возвращались с задорными песнями и шутками. В праздники, а особенно в престольный праздник нашей деревни Заговенье, который приходился на тёплый июньский месяц через неделю после Троицы, в каждом доме собиралось большое количество гостей. После застолья все выходили на широкую чистую улицу

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ля все выходили на широкую чистую улицу и шли к месту гуляния. В каждом доме, был свой гармонист. Начинались соревнования частушечников, пляски, песни, танцы. К вечеру как обычно возникал искусственный конфликт: драка с приезжей молодёжью. Женщины и дети с визгом и криками разбежались, трещали заборы и рубахи, кровянились разбитые носы. Всё успокаивалось, когда в клубах пыли появлялся тарантас местного участкового милиционера.

И все же жизнь в деревне в пятидесятые годы была нелёгкой: все были беспаспортными, ограниченными в передвижении. Городским можно было стать только после армии, устроившись в пожарные части, в милицию или в другие полувоенные организации, а денчатам - только через замужество за горожанина или работу в пнянках.

Жителей в деревне было много, все работали, даже дети. Нас, малышню, привлекали летом к сушке сена. В нашей семье этим процессом руководила бабушка Матрёна. В июне погода обычно не устойчивая: - «то вёдра, то дожди». Бабушка заставляла нас то складывать сено в копны, то ворошить (ворочать) по несколько раз в день. А потом мы помогали деду складывать сено на сеновал. Сено было важным продуктом для скота. Не запасёшь на зиму - останешься без молока и сметаны. На себя крестьянам косить разрешали только после окончания колхозных работ, да и то не везде. Приусадебные овины постоянно сокращали, и деревенским мужикам приходилось по ночам выкашивать поляны в лесу, а в четыре утра - на колхозные работы. Сушить лесное сено приходилось нам и бабушкой на месте. А потом также ночью его вывозили. Местное руководство об этих нарушениях, конечно, знало, но делало вид, что не замечает: жить-то всем надо. Зато лес выглядел как рукотворный парк. Грибы были видны издали. Под вечер, когда пастух гнал с пастбища деревенское стадо, нашей задачей было встретить своих бурёнок и овец и определить на свои места и домашнем дворе. В пятидесятые годы в огородах кроме овощей практически ничего не сажали: ни яблонь, ни смородины, ни крыжовника. Вернее, как позже я узнал, всё это было, но из-за непомерных налогов пришлось всё вырубить. «А как ты думал, -

рассказывала бабушка, – с каждой яблони, каждого куста, каждой коровы, овцы, курицы собирался твёрдый налог. С фруктового дерева или куста – в килограммах яблок или ягод, с коровы – в литрах молока, с овцы – в килограммах шерсти, с курицы – в количестве яиц. А если недород, приходилось покупать, размер налога не снижался. Вот и пришлось отказаться от фруктовых насаждений. Ну, а без живности и без птицы в деревне не проживёшь».

Мне всегда нравилось лето: речка, рыбалка, лес, походы за ягодами и грибами, где мы готовы были пропадать с утра до вечера, пока бабушки не позовут нас домой. Эти воспоминания относятся к шестидесятым годам прошлого века, когда советский народ, одержав победу над фашизмом, с воодушевлением восстанавливал порушенное войной хозяйство, боролся за почётные звания ударников пятилеток, искренне, как мне казалось, строил коммунистическое будущее.

Мои родители, как и всё их поколение, пережили тяжёлые времена. В 1941 году мама вместе с деревенскими подружками была призвана на трудовой фронт. Было им по 18 лет. Копали противотанковые рвы от Ярославля до Костромы, потом всех перебросили под Ленинград, но из-за угрозы окружения города вернули в Ярославль. По линии военкомата мама окончила курсы шоферов и добровольцем ушла на фронт. Она была военным шофёром, возила на приграничные лесные аэродромы по лежнёвкам авиационные бомбы для заправки самолётов. Уже в мирное время самой любимой её песней была «Песенка фронтового шофёра». Сейчас её знают и задорно поют мои дети и внуки. На фронте она встретила моего будущего отца, Голикова Павла Алексеевича. В 1946 году появился я. Мама в деревню уже не вернулась. Работали они с отцом на автозаводе.

В 1953 году в семь лет меня из деревни забрали в Ярославль, где они «сняли угол» в частном доме в деревне Мордвиновке. В то время это была окраина города. Сейчас на месте этого дома стоит бассейн «Лазурный». В 1954 году они получили от автозавода комнатку в коммунальной квартире двухэтажного деревянного дома на улице Белинского-10. С тех пор адресом моего городского детства и юности стал «рубленный посёлок». Такое название к нему

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

«прилепилось», потому что центральная его часть состояла из деревянных домов. После войны его достраивали пленные немцы, но уже в каменном исполнении. Сегодня этот район города в народе называют «пятёрка» по номеру трамвая, который в своё время туда ходил.

Началась моя городская жизнь. Восьмилетку я оканчивал в школе № 68 на улице Белинского (сейчас здания этой школы нет), а одиннадцать классов - в школе № 9 на улице Чкалова. В те времена члены ярославского отделения Союза писателей и журналисты областной газеты «Юность» были частыми гостями нашей школы. Это ярославские поэты-фронтовики Ю. Ефремов, Е. Савинов, П. Голосов. Благодаря таким встречам я серьёзно «заразился» поэзией. Позже, работая в институте «Гипродвигатель», познакомился с поэтом Владимиром Соколом (Соколовым) который позже дал мне рекомендацию в союз писателей России. В нашей деревне Кочегино более тридцати лет жил в качестве дачника писатель Алексей Грачёв, с которым мы иногда общались.

Мне повезло со временем, в котором мы жили и воспитывались. И более четверти века был офицером органов безопасности нашего государства. Служба в погонах – это оселок, на котором оттачивается внутренний стержень человека, любовь к своему Отечеству.

В восьмидесятых годах Правительством страны было объявлен пересмотр архивных уголовных дел бывшего НКВД и подготовка Заключений о реабилитации незаконно осужденных граждан. Занимались этим мы – сотрудники управлений КГБ. Работа оказалась многоплановой: переписка и встречи с жертвами репрессий и их родственниками, сотрудничество с журналистами, поиск мест захоронений жертв террора и тому подобное.

Родилась идея отразить этот исторический процесс в художественно-документальной книге. Рукопись первого тома я представил на расширенном совещании при начальнике управления генерале Разживине А.С. В результате была создана областная редколлегия Книги Памяти, председателем которой утвердили меня. Заместителем по литературной части был замечательный писатель и человек, прошедший тяготы ГУЛАГА - Александр Викторович Коноплин. При мне были выпущены три тома книги под названием «Не предать забвению». В этот же период я организовал в качестве приложения к областной газете «Северный край» ежеквартальный выпуск газеты «Секретные службы – архивы и современность», в которой мы отчитывались перед населением области об основных направлениях и итогах своей работы. В подготовке выпусков этой газеты активно участвовали сотрудники управления КГБ - В.Виноградов, И.Бадалов, С.Башкин, А.Киселёв, А.Баглаев и многие другие. А профессиональными помощниками были журналисты - А. Макаров, В. Ширяев, А. Григорьев.

Заметную роль в моей литературной судьбе сыграла Зоя Ивановна Быстрова, - в то время собственный корреспондент газеты «Правда» в Ярославской, Ивановской и Костромской областях. Частично с её помощью нам удалось раскрыть тайну селифонтовского захоронения жертв политического террора, связанных судьбами с Ярославской областью. Начало этому положил её очерк «Очки Предрика», вошедший в первый том Книги Памяти. Приблизить наш поиск к месту расстрела невинных людей в лесном массиве близ деревни Селифонтово помог мой бывший одноклассник Валерий Горобченко, руководитель «школы юных журналистов». Сейчас в этом месте установлен мемориал жертвам репрессий.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Информация о политических процессах, происходивших в 20-м и начале 21-го века, ставшая доступной в последние годы, изменила отношение людей ко многим идеалам, на которых они воспитывались, заразили нигилизмом молодёжь. Появилась необходимость защищать Россию на идеологических фронтах: бороться с несправедливостью, с коррупцией, защищать наших ветеранов. Это тоже тема для поэзии.

Всё выше сказанное нашло отражение в моих стихах, которые вы, дорогие читатели, найдёте в этой книжке.

Уйдя в запас, я в 1996 году возглавил службу экономической безопасности ОАО «СК Премьер» в г. Ярославле. С 2001 по 2009 год работал заместителем генерального директора по режиму, а затем генеральным директором ОАО «Гаврилов-Ямский льнокомбинат». Окончательно на пенсию вышел в 2009 году. Все эти годы почти не порывал с поэзией. Печатался в коллективных сборниках: «Четвёртая встреча» (1974 г.), «Ярославский альманах» (1998 г.), «Серебряная Лира» - книга первая (2011 г.), книга вторая (2013 г.), «Солнечная пряжа» (2011 г.). В 1997 году я стал лауреатом областной премии им. Сурикова за заслуги в области науки и искусства (Книги Памяти). В 2006 году за миротворческую деятельность был награждён почётным знаком «Советского фонда Мира». Я стал автором поэтических сборников: "Им будет нечего воспеть" (1990 г.), "Стихи на салфетках" (2006 г.), "Не спрятать кольца годовья" (2011 г.), документально художественных книг о Гаврилов-Ямском машиностроительном заводе «АГАТ»: «Люди и завод» (2011 г.), «Опалённые войнами» (2014 г.). Подборки стихов и прозы публиковались в журналах «Мера», «Причал», газетах «Северный край», «Городские новости», «Северная магистраль», «Гаврилов-Ямский вестник».

В 2014 году я был принят в Союз писателей России, избран членом Правления Ярославского отделения СПР, стал номинантом международных конкурсов «Филантроп», «Поэзия без границ», а в 2015 году - победителем четвёртого международного поэтического конкурса «Патриот Отечества». Награждён памятной медалью «70 лет Великой Победы». Продолжая традиции Ярославских писателей-фронтовиков, я постоянно участвую в различных обще-

ственных мероприятиях, проводимых в области и районе в составе областной писательской организации и Гаврилов Ямского литературного объединения «Серебряная лира». Провожу индивидуальные встречи со школьной молодёжью и представителями интеллигенции. Впереди ещё много задумок.

Подводя итог прожитому, считаю, что мне посчастливилось быть участником и свидетелем многих политических, социальных, творческих и иных интересных событий, произошедших в нашей стране в двадцатом и начале двадцать первого века. В августе 2016 года мне исполнится 70 лет. Книгу, которую вы держите в руках, издана к этому Юбилею. В неё вошли самые дорогие для меня и моих постоянных читателей стихи. В них я пытался отразить всё, чем живу в этом мире.

Валерий Голиков

Глава 1

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ И МИРА

ЧЕРТА – 1941 ГОД

Земля замирала под стуком колёс,
Земля затихала, как смертник на плахе,
А гром надвигался и медленно рос,
Тяжёлый, зловещий. И грезились страхи.

Сквозили в распахнутых настезь глазах
Сверлящие темень немые вопросы.
И вместе с вагонами, как на весах,
Качалась их жизнь огоньком папиросы.

Какую черту перешёл человек!
Из стылых теплушек развёрнутым строем
Шли люди в шинелях... И спрашивал век:
- Ты трусишь, солдат? Или станешь героем?

ЖИЗНЬ

*Моей маме
З.И. Голиковой*

И тебе дарили ландыши,
И тебя заря тревожила,
И роса сплетала волосы,
Потеплевшие от нежности.
Отцветали вишни белые,
Ночь, дурманя пьяным запахом,
И туман, уставшей птицею
Закрывал все тайны девичьи.
Но ворвались вихри чёрные
В добрый мир, в мечты и радости
И огнём нещадным вражеским
Опалили твою молодость.
Вместе с ласковою юностью
Пробежали дни весенние.
Расцвела сирень душистая,
Наступило лето знойное...
Сколько тропок перемерено
Вдалеке от дома отчего,
И костров в душе потушено,
И в пути друзей, товарищей
Было найдено, потеряно?
Сколько жизней оборвавшихся
И любви ещё не ведало...

Ты дошла до дня победного —
Повезло иль посчастливилось.
Повстречала друга верного
И ушла девчонкой бойкою
За своей судьбой неведомой.
Много в жизни было разного

В днях, годах, десятилетиях:
И заботы материнские,
И трудов твоих признание,
И улыбка, счастья полная,
В день, когда ты стала бабушкой.
И когда морщинки первые
На лице узоры вывели,
Паутинками осенними
Забросала осень волосы,
Ты на возраст не обиделась,
Ты душой осталась юною,
Щедрой, доброй и отзывчивой.
Горевала и печалилась,
Когда беды нас тревожили.
Расцветала, когда внученьки
Наполняли дом веселием.
Вспоминала свою молодость,
Фронтвые песни яркие.
Сколь могла, скрывала недуги
И ушла, не потревожив нас...

На погосте тихо, благостно.
Смотрит мама в мир оставленный
С доброй ласковой улыбкою.
- Здравствуй, мама, - это мы пришли
В воскресенье Прощёное.
Посмотри на нас, порадуйся.
На земле жизнь продолжается.

РОССИИ РЯДОВОЙ – 1990 ГОД

А. С. Разживину

Вам шестьдесят. Но разве это мало,
Коль каждый день, как на передовой.
Мечтал ли дослужить до генерала
Простой солдат, по званию – рядовой?

Мечтал, конечно. Но погоны эти
Он заслужил упорством и трудом...
Вот чем сильны земли Российской дети,
Крепившие и славившие дом...

Тридцатый год: упрямый, вдохновенный,
Горластый, трудовой и невоенный.
Год покорений, подвигов, идей...
А женщины рожают сыновей.

Еще безвестных, розовых, крикливых,
Улыбчивых, веселых, шаловливых,
Не зная, что уж близок год шальной,
Грозящий всем тяжелою войной.

И все же им, родившимся в тридцатом,
Платить досталось высшею ценой:
Кому отцом, кому-то старшим братом
И детством, перечеркнутым войной...

А в Томский край, что в глубине Сибири,
Не долетал снарядов жуткий вой.
Но здесь в тылу заводы возводили
И гибли, словно на передовой.

За это все: за недосып, за слезы,
За корку хлеба ржавую к столу,
За рваные мозоли, за морозы,
В пятнадцать лет – медаль «За труд в тылу».

Но мир пришел. Победные салюты
Взорвали судьбы, души, небеса.
Как были в этот миг страшны и люты
Войны остекленевшие глаза.

А для страны, не вставшей на колени,
Ослепшей от восторгов и утрат,
Все горести затмил великий Гений,
Победный принимающий парад.

Скрывая необузданные страсти,
Сверлил народ с прищуром мудрый взгляд...
Уже искал врагов Советской власти
Среди не снявших боевых наград.

И в этой сатанинской круговерти
Пройдут для многих восемь жутких лет,
Где были для людей страшнее смерти
Донос, бесчестье, травля и навет...

Но зрели в мире молодые силы.
Их было этим страхом не унять.
Храня России скорбные могилы
Они рвались осмыслить и понять.

И сын, в пятнадцать лет хлебнувший горя,
Хранил наказ погибшего отца:
Что Родина нуждается в опоре,
Что слишком много на земле свинца.

И не было теперь другой дороги.
И за отца, и за свою страну
Сын в двадцать два собрался по тревоге
И зашагал на долгую войну...

И были в той войне свои награды.
Да мало ли, что было позади...
За ратные труды, не за парады –
Почетный знак чекиста на груди.

Седьмой десяток, разве это мало,
Где каждый год, как на передовой.
И вот сегодня в звании генерала
Простой солдат – России рядовой.

ХУДОЖНИК

Художник, стоя у холста,
В короткой передышке боя
Писал закат, чья красота
Пленила небо голубое.

А мимо в бой отряды шли.
Война не верила в закаты.
И утром холм сырой земли
Над ним насыпали солдаты.

Война катилась по телам,
Последний полк ушёл на Запад,
Лишь по невспаханным полям
Гулял тлетворный смерти запах.

Уже травую поросла
Могила павшего солдата...
Случайно девочка нашла
Холст с недописанным закатом.

И в нём, тогда ещё живой,
Застыл тревожный майский вечер.
Но только рваную дырой
Холст потемневший был помечен.

Его б заштопать, залатать,
Закрыть войну багряной тучей...
О если б мог художник встать,
Дорисовать пейзаж над кручей.

...Плывут по небу облака,
А над холмом в поклоне низком
Людская память на века
Взметнулась в небо обелиском!

БЫЛЬ

В.П. Балябину

На Ити - реченьке тенисты омуты.
В них сеет солнышко лучистый свет.
И травы росами ещё не тронуты.
И ничего прекрасней в мире нет.

Здесь на горе крутой, мне кто-то сказывал,
Стоит в две улочки деревня Князево.
Мне кто-то сказывал, что по молве людской
Деревня Князево зовётся Княжеской.

Добротно срублена деревня русская,
Хитра на выдумки и имена,
Гуляет в праздники, хрустит закусками,
Кружит кадрилями – и всё она.

Когда беда пришла, - день летний, знойный был.
А бабий плач и стон по перекатам плыл!
День этот – быль. Он был началом слез людских.
Нет ни одной избы, чтоб обошлась без них.

Сколь полегло солдат за землю русскую!
Где превратить любовь в поклоны низкие?!
Осилил наш народ ту нечисть прусскую,
Смертями выставив поля российские.

И в май бушующий, победу празднуя
Солдат вернувшийся вспомянет разное.
Он есть и был та быль, что силе вражеской
Закрыла выход в тыл деревни Княжеской.

СОЛДАТКА

Пальцы, что засохшие сучки,
Грифа балалайки сжали тело
Брызнул рикошет другой руки, -
Балалайка тренькнула, запела.

Связывая струн тугую дрожь
Балалайка песню извлекала.
На рыдания был мотив похож,
Музыки в той песне было мало.

Чтоб унять щемящую тоску,
Пела овдовевшая солдатка
Не пришедшим мужу и сынку,
Как живется ей теперь не сладко.

И глядели строго образа
Огоньком мерцающим лампадки
На ее поблекшие глаза...
Не могли они помочь солдатке.

АФГАНСКАЯ ВЕСНА – 1988 ГОД

Ну, вот и кончилась война.
За девять лет у нас она
Испила кровушки сполна.
Но высока была стена:
Здесь шумный мир, а там война.
Мы вопрошаем – Чья вина,
Что мать рыдает у окна,
Лаская сына ордена?
Ссутулилась её спина...
Большая, сильная страна
И как же ты сейчас больна.
Грядёт афганская весна,
А на России – седина.

ДАЛЁКАЯ И БЛИЗКАЯ ВОЙНА

С высоты семидесятилетия
Я вижу, как пылают города,
И обжигает вновь фашистской плетью
Далёкая и близкая война.

ОМОН – 1999 ГОД

С горы хлестали автоматы,
Метала молнии гроза,
И лишь ОМОН, а не солдаты,
В крошечной тьме глаза в глаза
Рубились в схватке рукопашной,
Забыв про боль, забыв про жизнь,
Забыв про мирный день вчерашний,
И падали в ночную стынь.

Чеченский ливень лил на склоны,
Мешая с горной грязью кровь,
А дома им писали жёны
Про ожидания и любовь.
...Семь дней в горах без крошки хлеба.
Гранаты, пули – вся еда.
Ушли три друга в злую небыль,
Их души – в небо. Навсегда.

Когда затихла канонада,
И тишина вползла, как сон,
Как жизнь, как высшая награда.
Стирался в речке весь ОМОН.

НИЩИЙ ВОИН

Нищий на паперти,
Взгляд затухающий.
Что с тобой случилось,
Воин страдающий?
Впалые щеки,
Рубцами покрытые.
Сильные руки,
Как в гипсе отлитые.
Стыдно сжимают
Они костыли.
Шапка без звёздочки
В серой пыли...
В новую жизнь
Он вписаться не смог.
Дом его – паперть,
Молитва и Бог.

НЕ ХВАТИТ ЛИ ГОРЯ

На мирные плечи
Ложится наш век беспокойный,
А в колокол Вече
Стучатся осколками войны.
И смотрит Отчизна
Пока ещё мирные сны,
А память нанизана
На вехи победной весны.
Отцовские раны
Впечатались в наши сердца,
Идут ветераны,
Хлебнувшие вдоволь свинца.
Не хватит ли боли
И страхов в пугающей тьме,
Не хватит ли горя
Истерзанной нашей земле?!

9 мая

МЫ ПО ЖИЗНИ БЛИЗНЕЦЫ

Поколение моё
Родилось в лучах Победы.
Ещё с криком вороньё
Смачно склёвывало беды.
Мы росли, как близнецы -
Сыновья Войны и Мира.
Победители-отцы
Жили голодно и сыро.
Матерясь в хмельном бреду,
Они шли ещё в атаки,
Они были злы на драки
И бесстрашны на беду.
Нас – сынов своих – они
Грубовато, но любили,
Иногда за глупость били.
Не вини их, не вини.
Это им благодаря
Мы входили в жизнь и в люди.
В судьбах наших всё не зря:
Мы отцам своим – не судьи.
И куда б ни вознеслись
В званье, опыте и росте,
Мы свою закончим жизнь
На родительском погосте.

ТУГОВА ГОРА - 1257 ГОД

Звон колокольный, полыхание вязов,
Здесь так покойно в каждом сентябре,
Насыщен воздух духом древних сказов
О поле брани – «Туговой горе».

Лежит под покрывалом млечной пыли
В холме надволжском доблестная слава.
Когда-то здесь в кровавой горькой были
Легли за Русь дружины Ярославля.

Здесь, по преданью, плач звенел над Волгой.
Шли люди к храму горевать – тужить.
Осталась скорбь в сердцах навеки долгой,
И нам, и детям с ней придётся жить.

Уж триста лет стоит на этом месте
Старинный храм среди древнего погоста.
Он и сейчас хранитель веры, чести.
...Но сохранить историю – непросто.

Глава 2

МАЯКИ ДЕТСТВА

НАШЕ ДЕТСТВО

Наше детство – за лесочком,
На лужайке - за мосточком,
где раскинулось платочком
озерцо,
где ромашки что медали,
где берёзовые дали,
горизонта где лазурное кольцо.

Наше детство – за пригорком,
где черёмух запах горький,
где тревожат сон на зорьке
петухи,
где пахучи и румяны
земляничные поляны,
где рассвет рожком встречают
пастухи.

Наше детство – за годами,
За пропавшими следами,
за судьбою, что покрыта
сединой.
В нас останутся навеки
все луга, пригорки, реки,
берег детства,
вечно юный и родной.

ХОРОШО БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ

Пахнут вкусной хлебной коркою
Деревенские дымки.
По домам чадят махоркою
На лежанках старики.
Мы – с утра уже на улице,
Нам сидеть на печке лень.
Нынче небо быстро хмурится,
Не проспать бы зимний день!

За деревнею горбатится
Семионова гора.
Друг за другом к речке катится
На коробьях детвора.
Наморозишь короб в проруби –
Тяжело тащить наверх,
Но зато с горы, как голуби,
Мы летим сквозь визг и смех.

А на горке всё морознее...
Знать, пора и по домам.
Да и время-то уж позднее –
Попадет сегодня нам!

Голиком очистишь валенки,
Руки-крюки, синий нос.
Хорошо быть просто маленьким.
А большим? Ещё вопрос...

В КУЗНИЦЕ

Я в кузню бегал к дяде Саше,
Его кувалды слушал звон.
Он привечал меня и даже
Давал качать кузнечный горн.

И я качал двумя руками!
И гордость полнила мальчика.
Я приходил чумазый к маме:
- Кормить готова кузнеца?!

ОТЕЦ

Отец не знал, что в школе есть журнал,
Он не ходил на классные собрания.
Я был и ростом, и умишком мал,
И с каждым днем росли мои страдания.

Отец мне правил двойки на пятерки,
Я понимал, за что они достались.
Отец не знал надежней бритвы «стёрки»,
Но двойки сквозь пятерки проявлялись.

Чтоб дырки на листах тетрадных скрыть,
Отец усердно загирал их мелом...
Лишь так он, видно, мог меня любить
В своем мужском порыве неумелом.

НЕ ПОТЕРЯТЬ БЫ СЕДОКА

Рубашка парусом вздымалась!
Я мчался рысью на коне.
И мне летать уже мечталось,
Героем стать мечталось мне.

А конь летел стернистым полем
Весь напряженный, как струна.
Не восторгался он раздольем,
В нём четко билась мысль одна:

Что пашня – это не дорога,
Что правит слабая рука.
В его глазах была тревога:
Не потерять бы седока.

А я тянул узды повода,
Во мне отчаянность была,
Во мне бурлило половодье,
Коня терзали удила.

И он, устав со мной бороться,
Пошел с размаху на ухаб.
Он знал, что через миг взовьётся,
Он знал – седок и юн, и слаб...

Когда передо мной кружились
Волчком и небо, и стерня,
Когда ушибами покрылась
Спина... Я глянул на коня.

Он, опустив угрюмо морду,
Смотрел на мой открытый рот
И явно думал: - Взяли моду
Юнцов сажать... Хоть не ревёт!

РОЖДЕСТВО

Я мальчишка маленький,
Славить не умею,
Только нету удержу -
Завтра Рождество.
Я на печке валенки

С вечера нагрёю
И шубейку старую,
Все ж не баловство.
Поощряет бабушка –
Завтра день особенный:
Полетят над крышами
Вкусные дымки,
Дед посадит в дровенки
На подстил соломенный
И лошадку пегую
Пустит напрямки.
Хрустнет наст игольчатый,
Что капуста свежая,
Солнышком пропитанный,
Аж в глазах рябит.
Завирухой бешеной
Пыль взметнется снежная
И кудрявым облаком
Полею закружит...
А зима - сугробная,
А дороги – торные,
Слышен за околицей
Запах пряженцов.
Добрые традиции,
Праздники задорные,
И привольно дышится
На земле отцов!

...Всё это прошедшее,
На душу осевшее.
Ныне край мой вымерший,
Поля белизна.
Ни дымка, ни голоса,
Всё осиротевшее.
Что с тобою Родина?!
Как же ты больна!

ЗАГОВЕНЬЕ

День, солнышком пропитанный,
июнь,
сирень кудрявится.
Престольный праздник «Заговенье»,
вечер,
мошкара.
С гармошками и песнями
народ к бендюжке правится.
Таков порядок праздника –
на круг,
плясать пора!

Разминка начинается
с заливистой «Коробушки»,
потом идет «Семеновна»
под тульскую гармонию.
Сплелись в частушках яростных
миленки и зазнобушки,
кадриль кружит и топает.
Не пляска, а огонь!

Меж пляшущих, гуляющих
пыль поднимая,
носятся
нахлестанная праздником
шальная малышня.
Поодаль на скамеечке
сидит,
как Богородица,
Великонида-бабушка,
а рядом – вся родня.

Девчонки голенастые
к углу прибились стайкою,
им тоже поплясалось бы,
да возраст не велит.
Пастух,
уже «набравшийся»,
форсит дырявой майкою,
вот-вот в траву повалится –
и тут же захрапит.

А молодухи топают!
Все в платьях крепдешиновых,
в туфлях, носочки белые,
короткий рукавок.
Но гармонист умаялся –
ждет бражка у Аршиновых...
И он с басистым выплеском
гармошку – на замок.

На полпритопе замерло
искристое веселие,
частушка недопетая
зависла в тишине.
Случайно ли, намеренно,
иль попросту везение –
гармошку неостывшую
вдруг предложили мне.

И я без колебания,
но с паузой достойною
проверил вихрем клавиши,
подправил ремешки –
да как завел про ивушку,
над речкою склоненную...
И разом пригорюнились
седые мужики.

Затем рванул «Цыганочку»,
да с выходом, с коленцами!
И так ее наяривал,
что выбился из сил.
А под конец «Огинского»
я выдал для коллекции —
и полонезом-классикой
всех разом уложил.

С тех пор гулянки, праздники —
и местные, и дальние —
я, славою обласканный,
готов был отыграть.
Строчил кадрили пыльные
и нежил вальсы бальные...

Как радовалась бабушка!
Как восхищалась мать!

ПАМЯТЬ

Я от русской деревни
Взял здоровье и силы,
Не растили меня
На пшеничных хлебах.
Мне сухие мозоли
Оставили вилы,
А душа, как и прежде,
С молоком на губах.

Тянет в родину детства
С каждым годом сильнее,
Где подтёрлись пригорки,
Помелела река.
Где мои старики
Ныне дышат вольнее,
Где свободней ложится
На бумагу строка.

Память спрятала детство
В тайном ларчике сердца:
Скрип берёзовой люльки,
Брат и я – голыши
В окружении игрушек
Деревенских умельцев...
Огонёк у божницы,
Шелест прялки в тиши,

Кружевные подзоры
На железных кроватях,
Расписные клеенки
В лебедях на стене.
Зреет лук золотой
На уютных полатях
И сопит самовар
Словно бабка во сне.

Наш домишко был старым,
Под соломенной крышей,
В будни тих и просторен,
А по праздникам – мал.
Я рыдал, когда дед
С местным плотником Гришей,
Этот старенький дом
Вместе с детством сломал.

МОЙ ДЕД

Мой дед был скроен словно на века.
Великий мастер жестяного дела.
К его рукам работа прикипела.
Он гвоздь вбивал ударом кулака.

Бывало, на гулянке, на кругу
Ломал оглоблю, как простую щепку,
Морским узлом завязывал клюку
И рвал на спор колодезную цепку.

Его любили за спокойный нрав,
За молчаливость трезвую в работе.
Он в молодости был удал и брав,
Служил матросом в Питере на флоте.

В Москве жестянил в прошлую войну,
Но городским не стал и поневоле.
Прирос мой дед душой к Кочегину –
Своей деревне и к крестьянской доле.

И лишь Победа глянула в окно,
Собрал нехитрый скарб, гостинцы детям
И двинулся в свое Кочегино
К оставшимся ему десятилетиям.

Звенел косой утрами на лугах,
За ним тянулись мужики, потея.
Хозяин жизни и ее слуга,
Он жил трудом. Вот вся его идея.

Любил мой дед «плеснуть за воротник»,
В крестьянском деле – лишь одна отрада.
В хмелю был балагур и озорник,
Ну, а в работе не было с ним слада.

Он не имел особенных наград,
Трудился не для славы и почета.
Метал стога, растил нехитрый сад,
Хозяйство вел... и крыши крыл без счета.

И до сих пор в окрестных деревнях
Не стерта память дедовских мозолей...
Его везли в последний путь в дровнях.
Снег укрывал им сеяное поле.

НЕ ХОТЕЛОСЬ В ГОРОД МНЕ

Под печальным светом лампы
Дед обувку подшивал.
Я доламывал азартно
Самодельный самосвал.

На печи жужжали мухи,
Одуревши от тепла.
Не было в деревне скуки,
Скука в городе была.

Когда мама увозила
Меня в город в сентябре,
Я ревел, что было силы:
Не хотелось в город мне.

**МНЕ СЕГОДНЯ
ПРИСНИЛАСЬ ВЕСНА**

Мне сегодня приснилась весна:
Вербы в жёлтых пушистых цыплятках,
И парок на оттаявших грядках,
И ручей, ошалевший со сна.

Так хотелось, чтоб явь, а не сон:
Дед усы расправляет лукаво,
Рассуждая разумно и здраво,
Говорит: - Будет сочной отава,
Наступает хороший сезон.

И пчела облеталась уже,
У нее предсказания строги,
Значит, встанут за месяц дороги,
Впору ладить на Троицу дроги
Да столбы подновлять на меже...

А и правда, весна удалась...
Но ведь пчел не водилось у деда,
Значит, снится мне эта беседа:
В землю нашу с минувшего лета
Его плоть навсегда улеглась.

Это я на его рубеже
Неумело хозяйствую ныне,
И дрожит мёрзлый лист на осине,
Зная, что не воскреснет уже.

**ПОМНЮ БАБУШКИНЫ
РЕЧИ**

Помню бабушкины речи...
Я сижу у тёплой печи.
Зимний поздний вечерок,
Прялки тихий говорок.

Из кудельки нитка вьётся,
В трехлинейке пламя бьётся,
Ноет муха, дремлет дом,
Дед кемарит за столом.

Самовар поёт чего-то...
- Песни петь – его работа!
Слушай, как мотив хорош,
И не хочешь – подпоёшь.

А ты знаешь, как он пляшет?
Так ушами и замашет!
Не гляди, что самовар,
У него на это дар! -

Шутит бабушка? И пусть...
Но поближе к деду жмусь:
Вдруг и вправду фыркнет пар –
И запляшет самовар.

...Вновь сижу у тёплой печи,
Вспоминаю эти речи.
Смотрят бабушка и дед
На меня сквозь толщу лет.

Глава 3

НАША ЮНОСТЬ ПАХЛА СОЛНЦЕМ

**ВОТ И КОНЧИЛОСЬ
ДЕТСТВО**

Вот и кончилось детство,
Вот и лето настало.
И звенят до рассвета
Звуки школьного бала.

И к ликующим душам
Грусть еще не подкра-
лась.
До утра им осталась
Детства самая малость.

И сомнения нету –
Жизнь легка и крылата...
А наутро по свету
Разлетятся ребята.

Вот и кончилось детство.
Лета новые краски.
И для многих уже
Не сбываются сказки.

ПОНЯТЬ БЫ СЛЁЗЫ МАМИНЫ

О юность наша нежная!
О юность наша прежняя!
Жизнь праздником всегда казалась нам!
Влюблялись мы под вишнями,
И мамы были лишними,
Встречая нас с тревогой по утрам.

А видя их бессонными
С глазами воспалёнными,
Грубили мы ломавшимся баском...
Понять бы слезы мамыны...
Их прежние экзамены
Сдавать нам тоже выпало потом.

ЧУДЕСНАЯ БЫЛЬ

Я любил очень дерзких девчонок,
Что другого мальчишки смелее.
Я любил рано утром спросонок
Пробежаться по снежной аллее.
У костра посидеть с друзьями,
Тихо сонно мурлыча песню.
И встречаться с её глазами,
Нет которых на свете чудесней.
А зимою на быстрых лыжах
С сумасшедшей горы промчатся
Мимо солнца и сосен рыжих,
Чтоб от скорости рассмеяться.
Залепило чтоб снежной пылью,
Исекло, растрепав ресницы...

Я живу той чудесной былью,
Мне она через годы снится.

РАЙ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Рай нашей юности лучистый
Не ведал горя и тревог.
То был святой, небесно чистый
Любви и счастья островок.

Дружили мы с костром и песней,
Все были юны и равны.
И в мире не было чудесней
Великой солнечной страны.

Я ТЕБЯ НАЙДУ

Ничего о тебе я не знаю,
Ничего, даже цвет твоих глаз,
Но над картой я часто гадаю,
Где дороги сойдутся у нас.

Я мечтал о тебе на привале,
Думал ночью над жарким костром,
Может, ты со мной рядом шагала,
Может, просто не знал я о том.

Может быть, я чужими глазами
На тебя очень часто смотрел,
Может быть, над твоими слезами
Я смеяться обидно умел.

Значит, выпала доля такая:
Юность рядом с тобою пройдя,
Где-нибудь на просторах Алтая
Иль на севере встретить тебя.

Я над картою низко склоняюсь,
По дорогам незримым бреду.
Ничего о тебе не знаю.
Но когда-то тебя найду!

1960 г.

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Здесь с утра допоздна работа,
Здесь от пыли седые виски,
Здесь жара до седьмого пота -
Золотые мои деньки!

Здесь от солнца чернеют спины,
Степь горит в золотом венце.
И уселись уже морщины
Паутинками на лице.

Здесь от малого - до большого
В каждом деле всего лишь шаг.
Здесь совсем не такой дешёвый,
Как считают целинный пятак.

Здесь простор бесконечным вёрстам,
Здесь сливается верх и низ,
Здесь начало дороги к звёздам
Или просто дорога в жизнь.

1965 г.

ИСПЫТАНЬЕ ЦЕЛИНОЙ

Отшумели те метели
На широких большаках,
Там, где струны звонко пели
В комсомольских вожаксах.
Там, где яростные песни
Накалялись добела...
Неужели интересней
Наша молодость была?!
Нам тогда в шестидесятых
Было вышею ценой
Для безусых и усатых
Испытанье целиной.
Удивительные годы!
Вихревое время ЛЭП.
Принимали сами роды
Целины – нелегкий хлеб.
Вот в каких ветрах ковался,
Вот в каких ветрах мужал,
Матерел, скрипел, ломался
В нашем голосе металл.
Мы несли большое бремя
В тот период непростой...
Для того, чтоб это время
Окрестили как «ЗАСТОЙ».

1965 г.

***ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ
ДНЕВАЛЬНЫЙ***

Ветер рвётся в казарму
Сквозь открытые окна,
Холодком разбавляя
Сто горячих дыханий.
Спят спокойно ребята,
Спят рабочие парни,
Здесь их сон охраняет
Первый в жизни дневальный.

Тихо, холодно, пусто,
Далеко до подъёма.
Под холодной росой
Серебрится трава.
Кто-то завтра проснётся,
Потянувшись, как дома,
И очнётся,
Побудки услышав слова.

ДАЛЁКОЕ ВРЕМЯ

Далёкое время, молодая пора
Знакомые лица глядят из вчера,
Где жили мы, кажется, тысячу лет.
И страшно отважиться «взять» этот след.
Вернуться по месяцам, и по годам
В те дали прекрасные, где пацанам
Задорно жилось и любилось светло.
... Ушло это всё. Безвозвратно ушло!

МОЛОДОСТЬ

Отжурчала молодость звонкими протоками,
Золотою россыпью откружились дни,
Годы, что кораблики, понесло потоками
Половодья времени в млечные огни.
И уже не радуют Юбилеев гомоны,
Не вливает силушку даже дрёмный час.
То ли сердце выбилось, то ли крылья сломаны,
Уж в просторе времени не хватает нас.
Отшумела молодость, осень веткой хрустнула,
Закружился, падая, пожелтевший лист.
Тянет за околицей моей жизни прожитой
Чью-то песню грустную ветер-гармонист.

О ПРЕКРАСНЫХ ДНЯХ НЕ СПОРЯТ

Наша юность пахла солнцем,
Речкой, лесом и малиной.
Нас баюкала природа
В колыбели ночи длинной.

Мы влюблялись и любили
Целовались до рассвета.
А над нами гнёзда вили
Соловьи в начале лета.

Мы боролись с тишиною
По-мальчишески нескладно
И росли в прекрасном мире,
И мужали... Ну, да ладно -
О прекрасных днях не спорят.
...А потом пришло взросленье.
Запах пота, запах горя
Лёг на наше поколение.

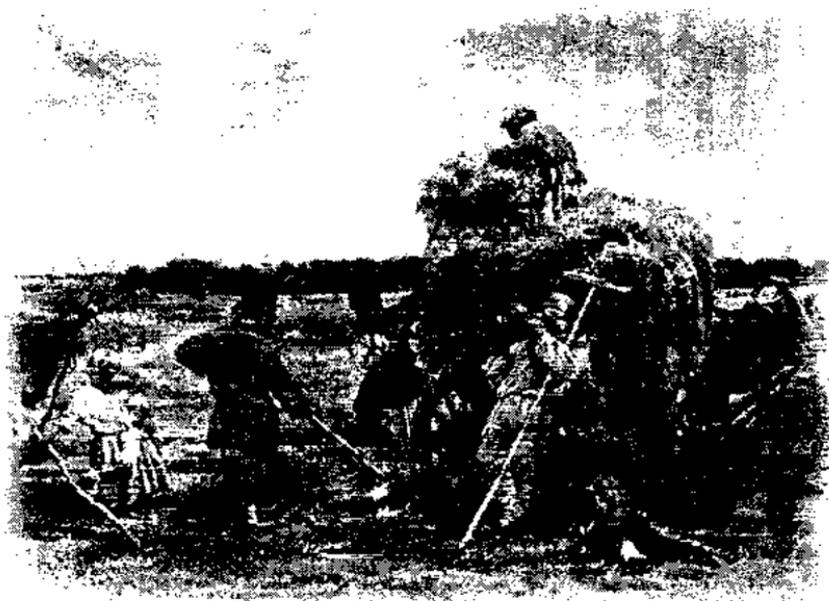
Время было непростое,
В странных всплесках новой моды
Оказалось, что в «застое»
Мы прожили эти годы.

...Эти выдумки анонсом
Отмелькали, век охаяв.
Мы стареем, чётко зная:
Наша юность пахла солнцем!

Глава 4

ПЬЯНЯЩИЙ ВОЗДУХ РОДИНЫ

ПЕРВЫЙ СТИХ

Не от сохи сел за стихи,
Но были знания плохи.
«Жи», «ши» писал я через «ы»,
Печатал буквы, как бугры,
Мне дед за это драл вихры.

Дед прирастил меня к лугам,
Я с дедом лазал по стогам
И с этой страшной высоты
Я видел столько красоты.

Казалось мне: сейчас взлечу,
Мне все высоты по плечу!
Я пел от счастья, я кричал,
Я ни минуты не молчал.

И вот однажды зимним днём
Меня обдало, как огнём,
И я испуганно притих...
Во мне рождался первый стих.

РОДНОЙ ПОРОГ

Дорога, кушаком стянув болотичко,
Ужом скользнула к речке на мосток.
И я, как в детстве, сложив руки лодочкой,
Студёной влаги пробую глоток.
Не та вода, не прежде – родниковая,
Да и деревня-то уже не та:
Блестят кой-где нахально крыши новые,
А в основном крапива, лебеда.
На некогда широкой, пыльной улице
Теперь укос. Копёнки в три ряда.
Лениво бродят на заулках курицы,
Да хороводят утки у пруда.

А вот и дом! Рябина с ветхой лавочкой,
Поодаль две берёзы – брат сажал.
Когда же это было... Слава-Славочка,
Как быстро век двадцатый пробежал!
Там и отец ушёл. Родню не спрашивал.
Не разменял и тридцати пяти...
А сколько раньше жило рода нашего?!
Бывало гостем в день не обойти.

А дом всё так же крепок, а не нужен,
Иль «не нужён» - как бабка изрекла.
«Он простоял и в дождь, и в зной, и в стужу.
Да некому служить... И старика
Свалила лихоманка. Какой был кряж!
А вот, поди ж ты, враз – как не было».
Да, дом был прям, хоромы, не шалаш...
Ужель и это зарастёт всё небылью.

...Родной порог, земля, меня согревшая,
Кусочек неба, уголок реки.
Нет, не угаснет жизнь, в тебе кипевшая,
Как не угаснут детства маяки.

ВОЗДУХ РОДИНЫ

Неповторим пьянящий воздух родины.
Мгновенье – и взлетаю на крыльцо.
На лавке млеет сонный лист смородины,
Дверь туго открываю за кольцо.
- Бабуля, здравствуй! Узнаешь ли внучика?
Стоит, о печку опершись спиной.
От глаз усталых разбежались лучики,
Засуетилась: - Батюшки, родной!
А я всё жду и пирогов настряпала!
А сон-то – в руку! Снился ты вчерась.
Ну вот опять очки куда-то спрятала...
А я одна-то, милый, извелась!
Хоть вечером, бывало, включишь радио,
Глухня глухней, а чтой-то разберу.
А тут молчит, дён десять, как не радует,
Сказали, столб свалился на бору.
Вчерась гляжу, вода в ведре кончается,
Уж экономлю: кто мне принесет?
Помрешь – не вспомнят, некому печалиться,
Скуп на добро-то нонче стал народ.
Вся молодежь-то метит ближе к городу,
Чего ей здесь – пустая сторона!
Вить там хошь как, а не погибнешь с голоду,
А поживи-ка эдак-то одна...
- Бабуля, что ты! Мы ль тебя не балуем,
Что ни неделя – кто-нибудь придет.
Вы, старики, совсем как дети малые,
А дел-то всех – изба да огород.
А нам – успеи и у станка, и во поле,
И всюду – план... А руки-то одни!
- А ты не жалься! Что-то вы прохлопали!
Недорогие ваши трудодни!
Я примечаю, у окошка сидючи:
Железа лишку на полях гремит.

Вас институт любви к земле не выучил:
Она за ласку – ласкою дарит.
Гляди-ко, как дороги-то испортили,
Избороздили, истерзали в кровь.
Подумай, что ей, горестной, в охоту ли
Рожать в таких-то муках вновь и вновь.
Да мне-то что! Пора к бабушке, рядышком,
А вам ведь жить. Земля у нас одна...
Ну вот, напала! Ты не слушай баушку,
Мы, стар, как млад, всё норювим до дна.
А ты сходи в деревню-то, наведайся,
И к Пелагее, может, завернёшь:
Была когда-то королевной девица,
А ныне что уж... Пожили, хорош!
Ее вот тоже детки в город сватали,
Да отступились, эту не свернуть...
И я вся в думах... Ехать к вам, а надо ли?
И в добрый час ли будет этот путь?

.....
...На дальний лес легло заката марево,
Позолотив родимое селцо.
Вокруг пшеница зрела желто-палево,
Дома с церквушкой обхватив в кольцо.
И эта позолота увядания
Тревожной грустью наполняла грудь...
Что ж, вот и побыл. Вот и всё свидание.
Прости, родная. И не обессудь.

БАБКА ПЕЛАГЕЯ

- Скажи, милоч, а много ль ты работал?
Уж больно руки у тебя белы.
Поди в театры ходишь по субботам
Иль по друзьям, гулянки да балы.
Не обессудь, коль я не так приглажу,
Язык у нас, как руки, некрасив.
Серчаешь что ль? Я дёгтем не намажу.
Заполыхал! Уж больно ты спесив.
Вот сад наш, глянь, всё вишеньё без ягод,
Повымерзало прошлою весной.
И человек ломается от тягот,
Когда теряет корень – дом родной.

Я злился, - не прошла моя затея,
О городе не вышел разговор.
Выходит, что и бабка Пелагея
Заботы наши ставит нам в укор.
Она сидит сутулая, седая,
Сухой рукой передник теребя,
И, кажется, меня не замечая,
Как будто исповедует себя:

- А знаешь ли, сколь здесь людей живало?
Там Волков, здесь Зарубин, там Перов...
Пойдёшь на полдни с бабами, бывало,
А на «горбуше» тёмно от коров.
Трава, как шёлк, за щепку не запнёшься,
Избави бог, чтоб выпас с лебедой.
А молока доили – обольёшься,
Три дойника – вот суточный надой!
А, как бывало, пастуха рядили...
Сбиралась вся деревня на совет.
За руки в избу красную вводили,
За стол сажали, ставили обед...

Вокруг по лавкам мужики да бабы.
От самокруток чад под потолком.
Чтоб ел снорово, к водке был неслабым,
Не запивал чтоб свежим молоком.
Бывало, «литки» справим, а наутро
Проспит пастух. Народу - не кажись!
С такими расставались круто, мудро.
Такой, милок, свою я помню жисть...

А в сенокос... Деревня опустеет.
За Которосль, как цыгане, в шалаши.
Ещё заря над лугом-то алеет,
А ты уж накосилась от души.
С частушкой, с прибаутками трудились.
И уставать-то некогда, милок.
Своей землёй – кормилицей гордились.
И берегли, как малый сена клок.
Бывало, дни, то дождь идёт, то - «вёдро»,
Не отдохнёшь: сгребай да разбивай.
Работали, милок, надёжно, бодро.
Глядишь, скирда, как пышный каравай.
А тут хлеба спели. Снова дело.
Серпами жали колос к колоску.
Уже снопами поле зажелтело,
Уж к риге молотилку волокут...
Откуда тут рукам-то быть красивым.
Работ в деревне и сейчас – «беда».
Но эти дни в моей былой России
Мы называли «жатва», не «страда».
А вы сейчас воюете, шумите,
На урожай, как на врага, все в бой.
И если не проспали, то проспите
Возделать нашу землю под собой...

Я не перечил. Что тут бабке скажешь.
Сам помню кое-что из тех времён.

Она, как часовой, стоит на страже
Тех неживых фамилий и имён,
И тех трудов, что скрючили ей руки,
И тех забот, что ныне не поднять.
А мы, землёю вскормленные внуки,
Готовы лишь на то, чтоб их забрать
К себе в тепло, в квартиры городские,
Не понимая, что их корни здесь,
Где все их боли, радости людские,
Где им приятней до конца отцествовать.
Мы выросли, и связи всё слабее
С далёким детством, где росла сирень,
С тем уголком, где бабки Пелагеи –
Ярмо неперспективных деревень.
В них до сих пор упрямая отвага,
Не заманить их городским теплом.
Они с земли не сделают ни шага,
Где вся их жизнь и где их отчий дом.
И наши все семейные заботы
От слова их становятся малы:
- Скажи, милоч, а много ль ты работал?
Уж слишком руки у тебя белы...

***МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД
ЧУТЬЕМ***

Я историк - никакой.
На меня б махнуть рукой,
Так же, как и на других,
Неисториков таких.

У поэтов тонкий нюх,
Пишем мы стихи на слух.
Все метания страны
Между строчками видны.

Мы идём вперёд чутьём:
На душе покой – поём.
В предков нюх и в предков слух,
Только вот не в предков дух.

***МЫ ДЕТИ
ПРОШЛОГО СТОЛЕТЬЯ***

Мы дети прошлого столетья,
Где жили верой и законом.
Страна любила междометья,
Кричала лозунги со звоном.

Мы все служили ей исправно,
Она нас словом поощряла...
Сменилось время. Даже странно,
Но звонких слов нам стало мало.

**УЖЕЛИ ТАКЖЕ
СТАНЕТ С НАМИ**

Прожив свой век мятежно, всеу,
Зима, теряя лоск и стать,
Как все живое дряхлость чуя,
Ни дня не хочет уступать.

И отходя, как время года,
Брюзжит поземкой по утрам,
А хитрый лучик с небосвода
Ручьями режет снежный храм.

Ужели также станет с нами,
Когда иссякнет в жилах сок.
Ужель грядёт и нам слезами
Молить у жизни хоть часок.

Глава 5

КАК ВЕЛИК ВО МНЕ ТВОЙ ГОЛОС

РОДИНА

Я привык к кусочку воли,
К теплой горсточке земли,
К двум березкам в тихом поле,
К речке звонкой на мели.

К облакам привык лохматым
И к дымкам из труб седым,
К фиолетовым закатам
И к рассветам золотым.

Я привык к кусочку воли,
К огоньку в российской мгле.
Я привык! И лучшей доли
Мне не надо на земле.

О ЧЁМ ПИСАТЬ ПОЭТАМ?

Тучки в солнце, словно образа,
Я стою, прикрыв рукой глаза.
- Полетай стрела моей души,
Возвращаться сразу не спеши.
Рассмотри российские просторы:
Сини рек, заснеженные горы.
Облетай заплатки русских пашен.
Всё ли хорошо и всё ли наше?
Всё ль красиво под небесным светом?
Подскажи – о чём писать поэтам?

НАКАЗ РУБЦОВА

- Перо у вас, мне кажется, заточено.
В нём та же боль измученной души.
Века наши пронзила червоточина,
Я предлагаю каждому: - Пиши!

Пишите все, как сердце разрывается,
Ведь нас – поэтов - гнул двадцатый век.
И вас сознёт. Вам в двадцать первом маяться,
Когда завалит всю Россию снег.

Я чувствовал, что одному не выдюжить,
Что мной одним не будет мир воспет.
Продолжите мой стих, он должен выдержать.
Другой задачи у поэта нет.

НОВЫЙ ВЕК

В пучину рек наш новый век
Как водопад понесся с шумом.
И лишь какой-то имярек
Стоял на берегу угрюмом.
Стоял он, глядя на поток,
Сметавший все досель святое.
А рядом подрастал цветок,
Взрастало семечко литое.

НА ИСХОДЕ ОКТЯБРЯ

На исходе октября
День тепла не обещает,
И пурпурная заря
Лес застывший освещает.

Упорхнувшее тепло
Стынь осеннюю сгустило
И ледовое стекло
Прудик дремлющий накрыло.

Зябко, грустно на земле.
День сжимается, страдая.
А ночами снится мне
Синь проснувшегося мая.

В ФЕВРАЛЬСКУЮ ОТТЕПЕЛЬ

В февральскую оттепель вгрызся мороз
В сосульках сверкают алмазики слёз,
Серебряным инеем дом наш оброс,
Повисли пушистые ветви берёз.

А утром метели промчались свистя,
Колючей позёмкой о наст шелестя.
Промчались и стихли неделю спустя.
Природа заплакала, словно дитя.

ФЕДОСЬИНО*

Хрустальный звон в Федосьино плывёт.
В окладе ледяном грустят рябины.
Но, радуя ноябрьский небосвод,
Сверкают гроздья ягод, как рубины.

Снег побелил Федосьино за ночь.
Мороз сковал мощёные тропинки.
Машины отдыхающих, как льдинки,
Возможно, ждут, когда помчатся прочь.

И, видимо, судьбу клянут свою:
То снег, то дождь на солнце их шлифуют.
Хозяевам-то что – они в раю,
В бассейне, в ваннах, день за днём жируют.

Но рай обманчив, скоро блажь уйдёт,
Сожмёт тоска о стороне родимой.
Там, над отчим домом и рябиной
Хрустальный звон с Федосьино плывёт.

** Федосьино, - подмосковный санаторий.*

ВЕСНЕ СДАЮТСЯ ХОЛОДА

Весне уже не до капли -
Грачи с рассветом прилетели.
Грызёт раскисший снег вода.
Весне сдаются холода.

Луч солнца, прорезая тучи,
На речке лёд зелёный вспучил.
И заглушает песню вод
Могучим басом ледоход.

ТРОПА В МАЙ

Так каждый год: встречая март,
Я новым выхожу на старт
В весенний долгожданный рай
К лесной тропе, ведущей в май.

Я глажу первую траву,
Я молодею! Я живу!
Я слышу, как бушуют реки!
Гляжу на солнце, шуря веки!

Растёт задор, уходят хвори,
Кругом забот весенних «море».
А на земле все больше цветы.
Весна, Весна на белом свете!

АПРЕЛЬСКАЯ ВЕСНА

Пахнуло берёзовым соком
По рощам апрельской весны.
Тепло разлилось по осокам,
Запутавшись в лапах сосны.

Зарделся закат на излёте.
Ручьёв несмолкаемый гул.
И с песней на бравурной ноте
Над лесом вальдшнеп потянул.

СИЖУ НА ДАЧЕ С ГЕНЕРАЛОМ

Я не мечтал стать генералом,
Я агрономом быть хотел,
Чтобы всегда в большом и малом
Кипеть в котле колхозных дел.

Но жизнь прошла в большом и малом.
Вот я полковник отставной
Сижу на даче с генералом.
Теперь он лишь товарищ мой.

Теперь мы с ним по жизни ровня.
Бушует ранняя весна.
В сарай убрав на лето дровни,
Готовим к севу семена.

НЕ ВЯЖЕТСЯ СТРОКА

Изумрудною травкою
Я свои стихи закрою, -
Недозревшие пока.
Ну, не вяжется строка!
За окном начало лета, -
Нет достойного сюжета!
Не рождает голова
Изумрудные слова!

ГИМН ДНЮ

Лизнуло лес восхода пламя,
Спалив тумана пелену.
Поднялось солнце над полями
Навстречу утреннему сну.

Взметнулись к небу птичьи трели,
И душу разбудив мою,
В деревне петухи запели
Гимн дню. Куда там – соловью!

УТРЕННЯЯ МУЗЫКА

Я рождаюсь, будто заново,
С первым криком петуха.
Цвета яблока румяного —
За окошком облака.

Спит еще заря-красавица...
И, едва-едва дыша,
Тихо музыка срывается
С рыжих листьев камыша.

**В САДУ ЛУЧИСТОЕ
ЗАТИШЬЕ**

В саду лучистое затишье,
Осенним духом воздух смят,
И яркие четверостишья
Как птички на ветвях сидят.

Я их ловлю из гущи кроны,
Где яблок сочные плоды.
Светлы и одухотворены
В моей душе стихов следы.

И я молчать уже не в силах,
Это почти что не дышать...
Как в сенокос копну на вилах,
Так и стихи не удержать.

ВИНОГРАД

Умирал росток в породе скальной,
По корням струился слабый ток,
И один из них в тоске печальной
Отыскал живой воды глоток.

Пил его расчетливо и в меру,
К небу потянулся стебелёк.
Положили стебель на шпалеру,
Чтобы лист от солнца не поплёк.

А когда на стебельке раскрылся
Первый незатейливый цветок,
На него крылато опустился
От зари весенней лепесток.

Куст листвою резною покрывался,
Зной июля впитывал искрясь,
Гроздьями литыми наливался,
В заревой палитре растворясь.

И когда осенняя соната
Полилась на тихие сады,
Куст тяжелой кистью винограда
Наградил кого-то за труды.

СЛЁЗЫ БАБЬЕГО ЛЕТА

Вдоль дороги рябины
Поменяли паряд,
В гроздьях ягод рубины
Алым цветом горят.

Листьев шелест печальный,
Увядающий лес,
Над полями прощальный
Звенит благовест.

В этой сказке осенней
Грусть и радость души.
Был бы рядом Есенин
Он сказал бы – Пиши!

Но у горя-поэта
Лишь синица в руках:
Слёзы бабьего лета
На озябших щеках.

ГДЕ ТЫ, ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ?

Розовеет пашня, золотиться лес.
Где ты, день вчерашний, солнце до небес?
Потускневшим полднем мимо деревень,
Как мужик в исподнем, бродит хмурый день.
Голые овины, паутинок снег.
Нет и половины тех июльских нег.

ОСЕННЯЯ СОНАТА

Ясень осенью прекрасен:
Ярких красок не жалея,
Осыпает листья наземь
Ясенёвая аллея.

Слышу я в печальной сени
Звуки позднего заката:
В цветомузыке осенней
Бьётся чудная соната.

И стою заморожённый,
Опустить глаза не смея.
Запылал закат, зажжённый
Ясенёвою аллеей!

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Осенний вечер еле слышим...
Уж на излете за погост
Скатился день закатом рыжим
На плечи голые берез.

Всего лишь миг – и позолота
Сошла со стриженных полей.
Лишь терпкий запах намолота
Всё ощутимей, всё сильней.

Еще не ночь, но быстро тает
Рисунок леса вдалеке.
Со свистом утка пролетает
В туман на дремлющей реке.

На рассвете набосую
Я свои стихи рисую,
И ложатся строчки все
На серебряной росе.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Пусть в это весеннее утро
Начнётся всё заново, мудро:
Пусть солнце заглянет в окошко,
И луч заберётся в лукошко.
Свернётся, как Барсик, клубочком,
Пушистым весёлым комочком,
Чтоб весело, радостно стало...

Сорву я с себя одеяло,
Открою окно нараспашку,
Спугну задремавшую пташку.
Мне волосы ветер взъерошит,
Дела на минутку отложит,
Обнимет за голую спину,
Качнёт шаловливо рябину,
Окатит холодной росой.
Я спешно окошко закрою,
Чтоб солнечный луч не пугать.
...А он уже лёг на кровать.

ПРУД

В моём пруду заснули облака.
Пруд в августе теплее, чем река.
А в обрамлении серебристых ив,
Как старый кот, валяжен и ленив.

**ЗАСЫПАЕТ
МАТУШКА - ЗЕМЛЯ**

Осень. На берёзах - ни листа.
В непрозрачном небе пустота.

Где-то горько всхлипывает птичка:
Воробей, а может быть, синичка.

Пастухи ещё пасут коров,
А уже октябрь, уже Покров!

Кто-то, видно, зиму сторожит,
Ни снежинки в небе не кружит.

Холод и тепло как на весах.
Удивленье в птичьих голосах.

Яблоня терять листву не хочет,
Яблоко румяное хохочет,
Спрятав в кроне золотистый бок.
Надо бы упасть, уж вышел срок.
А оно отчаянно висит!

Одиноко птичка голосит.

Затерялись зимние морозы.
Садоводы обрезают розы.
Трактор пашет голые поля.
Засыпает матушка - земля.

ПОКРОВ

В Покров осенних красок нега
Дождём размылась вместо снега.
В нём был какой-то беспредел:
Свод неба чистый поседел,
И пашня, светлая, как мел,
Глотала дождь в истоме жажды,
Чтобы хоть в спешке, хоть однажды,
Но напоить своих детей -
Все зёрна, дремлющие в ней.
Чтоб выжили под зимним небом
И возросли желанным хлебом.

14 октября 2005 г.

ПЕРЕД БАНЬКОЙ

Под колуном, как сахар, колются
Берёзовые чурбаки.
Встречает зимушку околица,
Тепло готовят мужики.

Идет снежок, мороз кусается.
Звук колуна, как клавесин.
Дровишки весело бросаются
На кучу пышную лесин.

Потом в поленницу уложится
Рядком берёзовая кладь.
А дальше банькой подытожится,
Да так, что с полога не встать.

ПАСТУХИ

Вторые кричат петухи,
Влюблённым кричат на беду,
А в серых плащах пастухи
За стадом уныло бредут.

Их зори любовных утех
К закату склонились уже.
Как память о юношах тех
Цветёт лебеда на меже.

В сердцах остудилась любовь,
Не хочется годы считать.
Усталая, серая ночь
Мешает о прошлом мечтать.

Стоит над дорогой туман.
Им путь по рассвету не нов,
Лишь головы кружит дурман
Опять не досмотрённых снов

ВЕЧНЫЙ СЛУГА

Косят травы в валки до хорошей погоды.
Сколько нужно трудов, чтобы встали стога!
Всё осилит крестьянин – хозяин природы,
Потому что он сам – её вечный слуга.

РАИ

Плачет речка слезинкой струи,
Извиваясь в тягучем иле.
На бугре - деревенька Раи.
Здесь давно люди гнёзда свили.

Баньки чёрные, как вороньё,
На горе расселись по струнке.
И у каждой лицо своё
Отражается в водах Лунки.

Ещё в Лунке ерши снуют,
Загребают клешнями раки.
И на всю округу поют,
Тишину разрывая птахи!

Было здесь и зверьё в лесах,
Глухари стучались в окошко,
Чтоб остаться навек в стихах
И в гравюрах Олега Отрошко.

МОЁ СЕРДЦЕ ПАРИТ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Моё сердце парит в поднебесье,
А душа ещё здесь, на земле,
Робко тянется к солнечной песне
И к церквушке в забытом селе.

Из бездонного синего неба,
Где порхают мои «сизари»,
Льется в душу волшебная нега,
Окропленная влагой зари.

Голубятня распахнута настежь,
Жаль пернатых держать взаперти,
Только так их свободу оплатишь,
Быть добру на их лётном пути.

Я шестом их взмывать заставляю,
Как мальчишка, в два пальца свищу.
Я во снах с ними вместе летаю
И счастливую долю ищу.

Нам бы их голубиную смелость,
Поднебесный порог высоты,
По - иному бы песня запелась,
Больше стало бы в нас чистоты.

Вот, обласканный солнцем и ветром,
Шумно сядет сизарь на плечо.
Добрый, преданный, пахнущий летом,
Заворкует про жизнь горячо:

Что полёты даются непросто,
Что немало врагов в небесах
И, что - жизнь, это маленький остров,
Утопающий на глазах.

Я, погладив пернатую спину,
Горсть зерна для него поищу.
А потом в поднебесье подкинув,
Как мальчишка, в два пальца свищу.

ХЛЕБ ЗЕМЛИ

Стою у поля на краю,
Зарёю утра опаленном,
И на весь мир душой пою
В очаровании неуёмном.

Во мне рождается поэт,
Я вижу, что другим незримо:
Звенит колосьями рассвет
Просторно и неповторимо.

Как осязаем хлеб земли!
Какая мощь в просторах нивы!
Что струи речки на мели,
Ржаные стебли говорливы.

Россия, нет тебя родней!
Я за тебя в бою не струшу...
Но все тревожней и больней
Твоя судьба терзает душу!

РОССИИ БЕЗДОРОЖЬЕ

Мне жалко с летом расставаться,
Люблю тепло и запах трав,
Но рано начала стираться
Палитра яркая дубрав.
В мою родимую сторонку
Лишь тропка узкая ведёт.
Там леший ухаёт в воронку,
И филин небьили плетёт.
Там от дождей дорога взмокла,
Что не пройдёшь, хоть голоси.
Там, говорят, кобыла сдохла,
Завязнув мордою в грязи...
А я люблю её просторы,
Российской синей стороны.
На печках зреют помидоры,
На сеновалах снятся сны:
О подосиновиках гордых,
Лесных румяных крепьшах.
Люблю утиные аккорды
В непроходимых камышах.
Ржаных полей необозримость,
Журчащих речек чистоту,
И с треском срубов злые зимы,
И меру русскую – версту.

ПОРА СЕНОКОСНАЯ

Сено духмяное, воздух медовый!
В краску вгоня частушкой бедовой,
Мечут девчата под солнышком стог,
Пышный, большой, как домашний пирог.

В небо раздольная песня взвилась,
Всё в ней живое - и радость, и страсть!
Солнце горячее, млеет трава,
Добрые, зрячие в песне слова.

Словно ромашки, белеют платки.
Вьются вокруг молодух мужики,
Лошади фыркают, дроги скрипят,
Валится воз на визжащих девчат...

Катится пот по румяным щекам,
Не до усталости женским рукам.
Завтра опять стоговать у реки,
Дни сенокосные все коротки.

...Где-то и ты там, грустинка моя –
Звонко хохочешь, печаль затая.

НА ТЯГЕ

Коротка заря на тяге,
Вот и вечер сник,
И запел ручей в овраге
Под совиный крик.
Мы уходим осторожно
Со своих постов,
Но звучат во тьме тревожно
Голоса дроздов.
В поле скирды засинели
В тусклом свете звёзд.
Будто стая спаниелей –
Горсточка берёз,
Сонный лес загадок полон,
Вот костёр мелькнул.
«Что ты вьёшься, чёрный ворон»,
Кто-то затянул.

И предательски нахлынет
На лицо слеза.
То ль от дыма, то ль от сини
Защемит глаза.
Жизнь стремится в каждый
колос...
О, святая Русь!
Как велик во мне твой голос,
Что сказать боюсь!

ОХОТА

Предзимье.
Стынь.
Дождливо-снежно.
Рассветный сумрак.
Зевота.
Неравновесно.
Ненадежно.
В душе усталость,
Пустота.
Свод неба
Съёжился
И выцвел.
Под сапогами
Холод,
Грязь.
Но громыхнул
С раскатом
Выстрел.
Вот и
Охота
Началась.

ЗИМНИЙ РАЙ

Сквозь серебряный иней берёз
Рыжий месяц просунул свой нос,
И на вспыхнувший золотом сад
Налетел снегириный десант.

Я живу в этом зимнем раю,
Я люблю деревеньку свою.
И в заброшенном богом краю
Наконец-то себя познаю.

РУСЬ ЯМЩИЦКАЯ

В приснопамятной России
От заката на рассвет
Вдоль озер и речек синих
Не петлял дорожный след.
Волчий вой да птичьи трели
Эхом множили леса.
Лишь по зимникам звенели
Троек бодрых голоса.

И будили крепким словом
Русь лучинную ставки,
Где зимой под тёплым кровом
Отдыхали ямщики.
Песням их, словам перцовым
Про забавы и корысть,
Этим тройкам бубенцовым -
Русь, ты в пояс поклонись!

Вдоль озер и речек синих
Паутиною дорог,
Дали - дальние России
Человек опутать смог.
Но судьба родного дома,
Как и прежде, нелегка...
Что то близко и знакомо
В грустных песнях ямщика.

СЕЛО МИТИНО

Село Митино – удивительно
И немало в нем удальцов,
Тех, что трудятся уповательно,
Продолжая задел отцов.
Нивы добрые льном кудрявятся,
Наливается хлебом рожь.
Разве может здесь не понравиться -
По российской земле идешь!
Здесь поля чисты, здесь стада тучны,
Золотится гумно зерном,
Здесь не в лучший год закрома полны,
И не знает сна агроном.
Только тучится над россиюшкой.
Не на всех лугах есть укос,
И не все поля доброй силушкой,
Свежей пахотой встали в рост.
Нам поднять себя - только верою.
Колосится рожь, да не впрок.
Не готовы мы крикнуть: - Верую!
И дымит сырцой новый стог.
Село Митино - удивительно
В нем простор душе и церквам.
Отзвенел в них хор уповательно,
Отзвенел давно и не нам.
Наши прадеды жизнью правили,
Церкви строили на века,
Для детей, для нас избы ставили...
Не дописана та строка.

2009 г.

РОССИЙСКИЙ ГОРОДОК

Гаврилов-Ям – российский городок,
Здесь что ни житель – ткач или ткачиха.
И обойти его – не стопчешь ног,
Здесь, как в светёлке, ласково и тихо.

Здесь каждый камень дышит стариной,
Она в названьях вычурных и странных.
«Ириновка», «Крутышка» - рай земной,
Там аромат садов и яблок пряных.

Гаврилов-Ям – льняная сторона,
Он, словно голубь, сел в ладонь долины,
Вокруг холмов упругая спина
И сжатых нив белесые седины.

Он вырос из старинного села,
Связал себя дорогами с Россией,
Судьба глубинки для него мала,
Он с каждым годом выше и красивей.

Наш город и для нас, и для гостей,
В нём сельский шарм и легкая столичность,
Он - будущее внуков и детей.
Гаврилов-Ям – не просто так, а личность.

ГОНЧАР

Гончарный круг кружит, кружит,
Гончар над глиной ворожит.
В комочке рыжей простоты
Он ищет форму красоты.

Гончар, натужно выгнув спину,
Ласкает, мнёт и тянет глину.
В ответ на ласки, как бывает,
Сырая глина оживает.

И не гипноз, и не обман -
Как тонок и изящен стан!

Гончар чарует чудесами -
Кувшин, как девушка, пред нами!
Кружит, шуршит гончарный круг -
Полёт земли, таланта, рук.

МОЯ ПЕСНЯ

Только здесь, в дорогой стороне
Зарождаются песни во мне.
Кто-то, может, услышит слова,
Что рождает моя голова.

Кто-то, может, отбросит припев,
Кто-то, может, изменит напев.
Кто-то выдаст потом за свою
Невспорхнувшую песню мою.

Никого ни за что не виню,
Пусть поют - я еще сочиню.

СОЗИДАТЕЛИ ДОРОГ

Русь крепчала от начала
На этапах длинных лет
И всё чаще замечала-
Без дороги жизни нет.

Поперёк меридианов
Не один промчался век,
От былых ямщицких станов
Отказался человек.

Застучали глухо шины
По бульжным мостовым,
Безлошадные машины
Покоряли Крым и рым.

А дороги, а дороги
Пробивали зной и стынь,
Ведь дороги, ведь дороги,
Ведь дороги - это жизнь.

Вдоль озер и речек синих
Паутиною дорог
Дали дальние России
Человек опутать смог.

Серебристые машины,
Ясноглазые авто,
Озорные бригантинны,
Мчат уверенно за сто.

И за то, что нам не снится
Бурной скорости порог,
Не забудем поклониться
Созидателям дорог.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЗЕРЕ РИЦА

Кавказ голубой! Водопады твои,
Как девичьи слёзы и слёзы мои.
Зелёные воды рокочущих рек,
На горных вершинах искрящийся снег.
Прекрасная сказка! Бунтарь-имярек
Тебя изваял в озареньи навек
И чуду не веря, не веря глазам,
В суровый гранит превратил себя сам.

Бушуют в глубинах ущелий глухих
Кипящие воды речушек лихих,
И лишь на доступной орлам высоте -
Бездонное небо на горном холсте.
В притихшей ночи полыхает костёр.
Ни звука вокруг, только музыка гор
Да сквозняки от тревожных легенд,
Веками живущих под толщею лет.
Костёр освещает скалы темной свод.
Горянка-красавица песню поёт
О том, как с годами сыны подрастут,
Джигитами станут и в горы уйдут.
Для матери счастье, награда небес:
Сыны приведут ей помощниц - невест.

... Но рано им в горы, не вырос их конь.
Последнюю шепку ласкает огонь.
Поднялась горянка и тропкой крутой
Спустилась в предгорье, где хворост сухой.
И там, в тишине, вдруг послышалось ей,
Что горы гудят всё сильнее и сильнее.
Что рушатся камни! А небо черно!
И сердце горянки тревогой полно.

Помчалась она меж колючих ветвей
Спасать беззащитных ещё сыновей.
Но там, где дымились остатки костра,
Исчезли на веки и лес, и гора.
Где били живительной влаги ключи,
Холодным сапфиром сверкнуло в ночи
Чудесное озеро... Стала бела:
«Арица»! -- вскричала горянка, - «беда»!
И бросилась в мертвое зеркало вод.
...С тех пор на Кавказе легенда живёт.

МЕЧТЫ

Мне б в избе бревенчатой
Жить с женою венчаной.
Да пахать, да сеяться –
На себя надеяться.

Скажет утром Дарьюшка:
- Выкоси гектаришко,
Помашите косами
С сыновьями взрослыми.
Помашите косами
Да обмойтесь росами.

Словно скатерть – полюшко.
Хороша ты, долюшка!
Вечерком, как к праздничку,
Заварганим банечку.

Сяду на завалинке,
Суну ноги в валенки.
Квасу аппетитного -
Под краюху ситного ...

ЧЕМ ДОЛЬШЕ ЖИВУ

Чем дольше живу, тем дороже минуты,
Мучительней жажда пьянящей весны.
Но весны мелькают, как дни почему-то,
И гаснут мгновенно, как старые сны.

Вздохнуть не успеешь, а летние зори
Не будит уже соловьиная трель.
Волнуется грустно пшеничное море,
Мрачнее становится ночи постель.

Желтеют за речкой лесов окоёмы,
Прозрачней становится глубь омутов...
Сутулось от тяжести лет, как от дремы,
Скупею на искренность рвущихся слов.

Глава 6

КУДА ТЫ МЧИШЬСЯ, РУСЬ!

УСКОРЕНЬЕ

Рванулись в «ускоренье», не подумав,
 Что тормоза застойные слабы.
 И понеслись машины толстосумов
 Сбивать границ священные столбы.

И оказались далеко не стойки
 Ни гордый дух, ни дружба, ни любовь...
 Лежит страна в руинах перестройки,
 Моих детей сегодняшняя новь.

1990 г.

ПЕРЕСТРОЙКА

Я, конечно, не расстроюсь,
 Если надо перестроюсь.
 Но пока я в мыслях роюсь
 И двоюсь, двоюсь, двоюсь.
 Все стоят перед дилеммой:
 Где найти вопрос проблемный?
 Как блеснуть бы свежей темой?
 Ох, боюсь, боюсь, боюсь,
 Что на этом переломе
 Много душ мы переломим
 И хребтов немало сломим...
 И куда ж ты мчишься, Русь?!

1990 г.

ГОРЕ

Стреляет ветер листьями берёз,
И каждый лист я вижу на излете
В его последнем горестном полёте
К земле, опухшей от осенних слёз.

В такие дни сжимает сердце грусть,
И давит грудь безмерная усталость,
И мысль грызёт: - А много ли осталось?
И вдруг весны я больше не дождусь?

А по ночам в виски стучится «SOS»:
Как будто я стою на косяке
И целится в меня с улыбкой горе,
И я во сне глотаю горечь слёз.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ УБОР

Тяжелеет грязь дороги,
И, куда ни кинешь взор,
В предвещании тревоги
Поздней осени убор.
Утро в язвах рыжих пятен,
И его хрустальный звон
В чем-то даже неприятен,
Как в преддверии похорон.
И вот-вот накинёт ризу
На его бескровный лик
Зимний день. И в небо снизу
Вознесётся вдовий крик.

**РУСЬ УСТАВШАЯ -
НЕ РАЙ**

Васильковые поля,
Где поник пшеничный колос,
Где полынь, как тополя,
А Россия плачет в голос.

Словно баба, голосит,
Подурневшим смотрит ликом.
На Руси, как на Руси,
Только грезы о ВЕЛИКОМ.

А великое-то в ней,
В ней – в земле обетованной,
В звонком ржании коней,
Песне вольной и желанной,

В росной дымке на заре,
Звуче падающих яблоч
И в церквушке на горе,
Купола склонившей на бок.

Всё размыто, как во сне,
Всё в нарывах и наростах.
Тянет душу к тишине
На родительских погостах.

Боже, правый - покарай,
Коль не хватит нам силенок,
Русь уставшая - не Рай,
Но она в любом - с пеленок!

**ПОЙМЁТ ЛИ
РУСЬ?**

А в моей душе
голос подленький
распевает песнь
не мою:
- Вы заложники,
вы невольники,
вы растлили веру
свою.

-Ты кричишь во сне,-
меня мать трясёт, -
что за мысли тебя
царапают?
Я лежу, молчу...
Меня боль грызёт,
что Россию, как девку,
лапают!

Я тянусь к мечу,
плоть во сне кровя.
Я не сам кричу,
А душа моя!
Мне и ночь – не ночь,
мне и день,- не день,
и на сердце стынь,
и на жизни тень!

Я бы встал да дал
меж бровей за Русь!
Жаль, ресурс мой мал!
И ещё боюсь...
А поймёт ли Русь?

**ВРЕМЕНИ
НЕ СПУЩЕННЫЙ
КУРОК**

Наверное, нас губит не растреленность,
Не низменность, не подлость, не порок.
Пугает нас постылой жизни бреленность
И времени несущенный курок.

Мы импотенты в панцирях запретов.
Фригидны все от нелюбимых дней.
От трескотни пустой апологетов.
Чем дальше – тем становится больней.

В нас страх живет, мешающий протесту.
В нас метастазы тех расстрелных лет.
Прикованы к смиренню, как к насесту,
И даже мысли возмутиться нет.

Мы хором осмеяли всех великих
Упрямец исковерканной страны.
Мы выбрали разнузданных и диких
Поводырей с «матросской тишины».

Ну что ж, сплотнем – достойны этой власти.
Поможем им культуру приобрести.
Сработаем для них достаток, счастье.
А там, глядишь, и выкуется честь.

1996 г.

ЖИЛИ – НЕ ТУЖИЛИ

Обходились раньше без врачей,
И сердца гоняли кровь ритмичней,
В доме было сотни мелочей,
И жилось значительно приличней.
Жили, как на блюде,
А какие люди,
Вспомните!
Что - не выпивали?
Песен не певали?
Полноте!

Мчались, как на тройках, на разгон,
Весело, мятежно, что есть мочи,
На банкетах пили самогон,
Провожались в солнечные Сочи.
Жили - не тужили,
Родине служили
Радостно.
А теперь застойным
Стал наш быт достойный.
Гадостно!

Только б не сломила нас судьба,
Дружбу не снесло бы ускореньем.
Мы еще, пока не голытьба
И живем советским измереньем.
Нас в команде восемь,
Дом лицом на осень,
Выдержим!
Дай нам, Бог, везенья,
Шанс на воскресенье.
Выдюжим.

**ТОЛЬКО ГОДЫ
ПРОЛЕТЕЛИ...**

Посёлок «Рубленый»: сосёночка — к сосне.
Возводили наши деды по весне,
Вешний луч топил смолу на стволах,
Топоры звенели в крепких руках.
И стояли эти ладные дома
Так же прямо, как и Родина сама.
А уютные, зелёные дворы
Были райским уголком для детворы.

У подъездов в летний вечер
Все скамейки нарасхват,
Собирались, как на «вече»,
Мамы, бабушки подряд.
Нас, мальцов, не подпускали,
Как за юбку ни держись,
Нам, мальчикам, не потакали,
Жёстко нас вводили в жизнь.

У отцов была охота веселей:
Стол, сколоченный под кроной тополей.
Забивали мужики на нем «козла»
И порой была «литровочка» мала...
И росли мы в этих рубленых домах,
И врубались в мир большой во весь размах,
Уезжали, улетали на недельку, на «пока»,
Нам казалось всё, что было, остаётся на века.

Только годы пролетели,
И добротные дома
Почернели и осели,
Как и Родина сама.
Мы ушли в другие веси,
В белокаменную стынь.
Шестьдесят – уже не десять.
Шестьдесят – другая жизнь.

И всё чаще снятся годы той поры.
Эти тихие, уютные дворы.
Забираюсь в переполненный трамвай
Посетить почти забытый детский рай.
Там стоят уже высотные дома.
Всё другое, как и Родина сама.
Лоск холёный тихо вытеснил уют,
А посёлок, как и прежде,
Люди «Рубленным» зовут.

**НЕ ДОТЯНУВ
ЧУТЬ-ЧУТЬ ДО ЛЕТА**

Застыл на мушке острый взгляд,
Дыханье сбилось в напряжении.
А гуси стаею летят
В одном порыве и движении.

Грудь белолобого мощна,
За ним косяк парит спокойно...
Но спущен взвод! Картечь точна.
До безразличия убойна.

И сбился строй красивых птиц,
Их крик гортанный небо вспучил.
За жизнь цепляясь, падал ниц
Тот, кто себя за стаю мучил.

Без сил, теряя высоту,
Он падал – белая комета -
В небытие и пустоту,
Не дотянув чуть-чуть до лета.

ЛЖЕПОВОДЫРИ

Как часто в молодости пылкой
Нас гребят лжеповодыри
Заумной фразой и бутылкой.
И в этом, что ни говори
Есть тайный смысл:
- Они хотят
Нам застолбить путёвку в ад.

ЗАЖИГАЛКА ДРУГА

Мне подарили зажигалку друга.
Его душа в раю уже парит.
Я нажимаю клавишу упруго,
И зажигалка слабо, но горит.

Еще зажечь способна сигарету,
Еще способна темень растворить.
Она горит, а друга уже нету...
Лишь память, как натянутая нить.

ВЛАДУ ЛИСТЬЕВУ

И вот ещё одна душа,
Покинув плоть, взлетела в небо.
А он лежал, как будто небыль,
Слепым спокойствием дыша.

Под утро март из синей дали
Разбил зловещий лёд беды.
А мы цветами укрывали
Убийц преступные следы.

1 марта 1993 г.

***ГДЕ БИЗНЕС,
ТАМ – НЕ ДО ЕДЫ.***

Уже дрожит моя рука,
И голову сломя
Гоштино-фризского быка
Беру я на племя.

Покроем дюжину коров,
Богато заживем,
И обойдемся без кормов
С моим быком вдвоем.

Где бизнес, там - не до еды
Сколотим капитал.
Лишь только б не было беды
И бык на утро встал.

ГРЕШНИКИ

Прости, душа, что я тебя забыл,
Что в жизни только плотское любил.
И вот, когда под семьдесят уже,
Я вспомнил о тебе – моей душе.
Но трудно проторить дорогу в храм,
Молились мы всю жизнь другим богам,
И там, где ныне снова божий стол,
Мы, грешники, играли в волейбол.

**ВИДНО, ОСЕНЬ
ВИНОВАТА**

Видно, осень виновата:
Не становится светлей.
Птицы жмутся воровато
В тень необранных полей.
По бандитски налетают
На фруктовые сады.
С аппетитом уплетают
Перезревшие плоды.
Их понять, конечно, можно:
Скоро встанут холода.
Им летать голодным сложно,
Голод - общая беда.

НЕ ПРОСТОЙ НАРОД

Города далёкие, незнакомые,
Вот бы в вас пожить да погешиться.
На печи сижу вальнем дома я.
Как бы мне с неё нынче спешиться?

Под иконою каледарь висит,
В нём весна, апрель, дни пасхальные.
И зима прошла. Люд не мыт, не сыт.
Всё не как у вас, мои дальние.

И всё кажется - не отмыться нам:
У вас солнышко, - тут распутица.
Ни дорог, ни троп, только грязь и срам,
Не понять, куда стрелки крутятся.

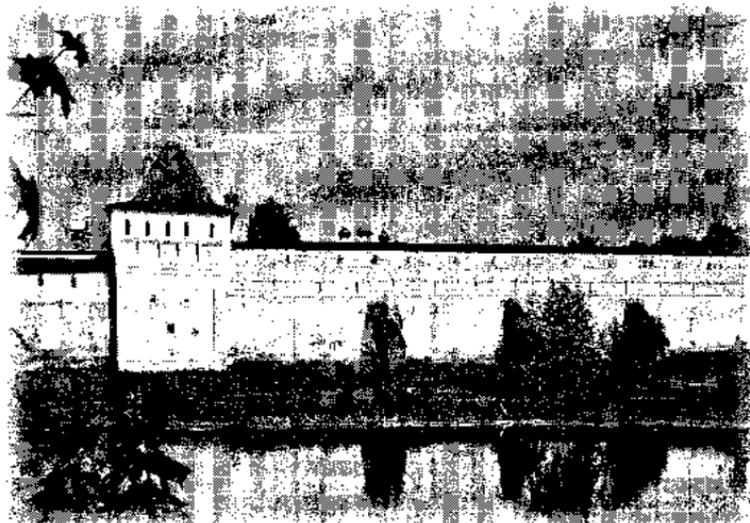
Мы с Петра такой непростой народ,
Внешне странненький, крепок внутренне.
Над Россией пасхальный звон плывёт.
...Целоваться пойду к заутрене!

Глава 7

В КОТОРЫЙ РАЗ ПРОЩАЕТ НАС ГОСПОДЬ

ГОЛОС ПРЕДКОВ

О лики светлые России,
Сквозь даль столетий ясный взгляд.
В холщовых рубищах, босые,
В вас наши предки говорят.
И храмов древних силуэты,
И строки каменных страниц
Тем вольным голосом согреты...
И лишь прищур седых бойниц
На нас, сегодняшних, сурово
Сосредоточен и угрюм,
Как будто сдерживает слово,
Отяжелевшее от дум.

ОКТЯБРЬ

Октябрь.... Какая многоликость!
Какая гамма сложных чувств:
Восторг! И будущего дикость.
Старт революционных буйств!
Сбывались чаянья аскетов.
Холодным солнцем на штыках
Зарю встречала власть Советов
В засаленных трудом портках.
Октябрь семнадцатого года.
Стук каблуков по мостовым,
Осатаневший рёв народа
По всем дорогам столбовым.
По всей России окаянной
Следы лаптей, следы сапог
Толпы, от возбужденья пьяной,
Зрел на кресте распятый Бог.
И глас его из поднебесья
Набатов звонниц вековых
Гудел народу: Здесь я! Здесь я!
Нет в вере заповедей злых.
И чавкать грязь переставала,
Люд, осенив себя крестом,
Не пал на землю, как бывало,
Впервые встав перед Христом!
-Мы наш, мы новый мир построим!
Бой революции врагам!..
Народ крушил земли устои,
И храмы падали к ногам.
И закипел неравный, страшный,
Родни не ведающий бой,
Мир расколов на бело – красный
Кроваво – чёрною бедой.

...В глаза пришедших поколений
Ещё глядят останки дней
Из окон княжеских имений
Гниющих в гущах тополей.

**У ПРЕДАЮЩИХ
СЕРДЦЕ НЕ БОЛИТ**

Нас предают духовные отцы
В аффекте героических прозрений,
В лучах фальшиво-звонких озарений
Нас продают партийные дельцы.

Как быстро исчезает прежний лоск
В их, потерявших равновесье тушах.
И вера оплывает, словно воск,
Нам оставляя сникяки на душах.

Где ж ваше благородство, господа?
Иль страшен блеск последнего патрона?!
Спустить курок и кануть навсегда
Не в ваших силах, не в обычаях трона.

А люди, - они все переживут.
Им не впервой судьбой платить за веру.
Но время, время созовет свой суд
И ваши бюсты призовет к барьеру.

Уже трещит единства монолит!
Но за него и слез вы не прольете.
У предающих сердце не болит.
Двадцатый век...
Как пуля на излете.

1991 г.

**ЗАЩИТИ
ОБНИЦАВШИЙ
НАРОД**

Дорогая до боли страна!
Как сберечь нам тебя от напасти?
Где найти столько воли и страсти,
Чтоб ты правде осталась верна?!

Чтоб народ твой куски не просил,
Не мотался с сумою по свету,
Чтоб не верил чужому совету,
Чтоб не пил, выбиваясь из сил.

В твоём прошлом и гордость, и страх.
Всё сплелось: и отвага, и подлость...
Умирает Российская гордость!
Скорбь застыла на сжатых устах.

Что молчишь? Или голос иссяк,
Или силы сковали угрозы?
Мечет молнии в прошлые грозы,
Опоённый свободой босяк.

И последнее платье твоё
Проматают в похмельном угре
Перестройки творцы и бояре,
Говорилы, шпана, мотовьё.

Мать Россия! Настал твой черёд.
Вспомни удаль свою и величье.
Сделай выбор, очнись от двуличья,
Защити обнищавший народ.

1991 г.

РУССКИЙ Я

1

Русский я до доньшка,
до ржаного зёрнышка,
от весенней почечки
до болотной кочечки.
Выращен деревнею,
сшит тесьмою древнею.
Верю в труд, терпение,
нету слов священнее.
Вся-то жизнь – земля и хлеб
и кривой крестьянский серп.
Предки этим же серпом
защищали отчий дом,
а земля, что жизнь давала,
их же в срок и забирала.
Примет матушка и нас,
как настанет скорбный час...

2

От добра и жизнь добрей,
только мы к судьбе своей
равнодушной стали, злей.
От неспаханых полей
веет тленом запустенья.
Всё богатство поколенья
разошлось по сундукам,
а репы остались нам.
На добро уж ни намёка,
нет в Отечестве Пророка,
чтоб вдохнул надежду в Рай.
Что кидают - подбирай.
А ведь жили на Руси

по закону «не проси».
Торговали с заграницей
первосортною пшеницей.
А каков был русский лен!
Шли в Россию на поклон
за мехами, за рудой.
Крепок рубль был золотой.
Мастеров российских дар.
Все трудились – млад и стар...
Только издревле у нас
битым был крестьянский класс,
а потом и люд рабочий,
и ученый люд, и прочий...
Вроде свой родной народ.
Бушевал расстрельный год!
Может, если б не война,
был бы вычерпан до дна,
превратился бы в рабов
и твердил «всегда готов!»,
Гнил расстрелянный в оврагах,
надрывал пупок в ГУЛАГах...
Но он Родине служил,
побеждал, страдал и жил.
Как? А разве важно – как?
Был бы хлеб, а там - пустяк...

3

Маму тяжба мучила,
так что руки скрючило.
Дяде в тридцать восемь лет
погасило пьянство свет:
(в дни военные юнцов,
впрягшихся в хомут отцов,
самогонкой баловали
в холод на лесоповале.)

А отец мой в Воркуте
выл по сталинской статье:
(вёз крупы в деревню меру.)
Фронтовому кавалеру,
на котором танков след,
присудили восемь лет,
Не взглянув на ордена,
что дала ему война.

4

Непогибшие сыны
еще долго шли с войны.
После лагерей немецких
кто-то в камерах советских
фильтровался на предмет —
есть ли в нём шпион иль нет.
Кто-то сразу принял срок
за неверный в слове слог.
Кто вошел в другие списки,
что «без права переписки»,
Слишком поздно стало ясно —
этих дома ждут напрасно...

5

Старики, мальцы и жены
зноем, хлебом обожжены,
голодали в деревнях
в роковых военных днях.
Через слёзы, как могли,
спелой землю берегли.
Сами с верой на устах
зябь пахали на быках.
Все для фронта, для мужей,
не держали сторожей.

Знали все – война идёт,
кто ж солдатское возьмёт?
Кто пришел домой с Победой
мог недельку за беседой
пофорсить и без земли.
Бабы землю сберегли!

6

Пятьдесят четвёртый год.
По домам мужской народ
потянулся из ГУЛАГов.
Пряный запах из оврагов
и журчание весны...
Не встречали их сыны,
дочки, жёны и подруги.
Тишина по всей округе...
Посидят семейным кругом,
повздыхают друг над другом,
выпьют с горя самогона,
и на печь рыдать - с разгона...
Жёнам было хуже вдов:
ночи длинные без снов.
Ныли у сынов сердца:
есть отец - и нет отца.
Отучил закон и плеть
душу русскую жалеть.
Пели злые языки:
- Вот они - враги, враги!

7

А земля опять поспела.
Вечное в деревне дело -
Запрягать, пахать, сажать,
чтоб земля могла рожать.

не репей или осот –
хлеб, которым жил народ.
Отстрадались мужики,
оттрепались языки,
вышли в поле все, как есть,
отгоняя горечь, спесь.
На Руси извечно так,
кто работает – не враг.
Зуд кипел в мужских руках,
забывался голод, страх.
Навалились на землю,
заводили живность, птицу.
Все работали играя.
Воля всё ж роднее рая.
Подновляли избы, риги.
Кто-то даже сел за книги.
Кто - учиться, кто - рожать,
было некогда лежать.
Закипели новостройки,
а из труб дымочек стойкий
пирогам потянул.
Жил крестьянин, спину гнул.
Заскрипели вновь обозы
сквозь январские морозы
с мясом, салом, молоком
в города, где молотком,
топором, киркой, лопатой
люди ладили заплаты,
восстанавливая свой
быт, разрушенный войной.
По-простому в тесной «чайне»
бывшие однополчане
вспоминали времена,
где их всех свела война.
Пили за друзей погибших,
до победы не доживших.

Был народ силен и молод,
мог держать и серп и молот
И держал и силы клал,
кто-то в землю, кто в металл.
Пели песни про любовь,
прославляли жизнь и новь..

8

День за днём страна мужала,
пела, строилась, рожала.
Незлопамятный народ
распрямялся. Новый год
всяк встречал с надеждой, верой.
Он уже другою мерой
Мерил прошлые года.
Рассосалась беда.
А в глубоких деревнях
память о суровых днях
лишь в обиженных жила,
да и то уже спала.
Да и много ль они знали.
Жертвы культа, что попали
в жернова ЭНКВДе
не водились в их среде.
Ну, а если и случалось,
одобрением встречалось:
Раз назвала власть врагом,
значит враг, врагов на слом.
Мало стало говорливых,
дел и так полно на нивах.
Если б не разоблаченья
разных культов, и значенья
не придал бы наш народ,
что опять наоборот
Закрутился мир крещённый

в игры власти вовлечённый.
 Как удавкою налоги
 повязали руки, ноги.
 В деревнях сады срубили.
 В раз поборы погубили
 подобрешший сельский стол.
 Стал опять крестьянин гол.
 Но тянул исправно лямку.
 Город их сосал, как мамку,
 но к себе не допускал.
 В деревнях, что стар, что мал
 Все беспаспортными были.
 Молодёжь, хвативши пыли,
 Потянулась в города:
 девки замуж, хоть куда,
 парни с Армии на шахты,
 да в пожарные на вахты.
 Получить бы паспортину,
 чем выращивать скотину.
 ...Старики тайком вздыхали
 и пахали, как пахали.

9

Новый вождь был слишком рьяным,
 в нём жила любовь к селянам.
 Сам он вроде - от сохи,
 знал их тяжбы и грехи.
 И рабочих, и учёных;
 и тупых, и просвещённых -
 всех жалел.. и строил всех,
 как на битву за успех.
 Первым делом он народу
 дал духовную свободу.
 И в начале всех начал
 культ репрессий развенчал.

Преступленья тёмных сил
он на Сталина взвалил.
Покрушил его портреты,
бюсты, памятники. Свету
показал крутой свой нрав...
Он был маршалом-солдатом.
В коммунизм в восьмидесятом
верил искренне, и нам,
еще юным пацанам,
дал способности развить,
чтоб потребностями жить.
Он сносил с плеча трущобы.
Он хотел, стремился, чтобы
Люди жили ярче, шире,
в своей собственной квартире.
Город слить хотел с деревней,
поломать уклад наш древний,
чтоб совхозы навсегда
превратились в города.
Он следил за зерноводством
и молочным производством,
кукурузу насаждал.
Был он твёрдым, как металл..
Облегчил труда рутину,
у крестьян забрал скотину.
От буренки до овцы –
всех переселил в дворцы.
Пусть живут теперь в палатах,
и ходить к ним лишь в халатах.
Комплекс всё ж не скотный двор,
мы выходим на простор!

Только бабушки и деды
в том не видели победы,

Не спешили. Живность, скот –
их последний был доход.
Вся их жизнь прошла с «Буренкой»,
с главной в доме коровенкой.
Да с курами, да с овцой.
Были, правда, и с ленцой.
Эти все ласкали печь...,
Не о них сегодня речь.

11

Помню, в эти перемены
зиму всю трещали стены.
Лютый выстоял мороз.
Дом как будто в землю врос.
Дед - землей, соломой, мхом
загати́л его кругом.
Между окон - ватой белой
и рябиной красно-спелой.
Весь-то дом был: «зад» - «перед»,
а к утру мороз проймет.
Так вот в этакий мороз,
когда воздух щемит нос,
в город тронулись деда
запасти для нас еды.
В самый раз под Рождество.
Это долг – не баловство.
Тётка, бабушка вес день
были тихи, словно тень.
Как управились с скотиной
нас мальцов - в тулуп овчинный.
По горбушке - и на печь,
чтобы керосин не жечь...
День второй к закату клонит.
Чу! За дверью кто-то стонет.
Бабы в страхе по углам.

Дед сорвал щеколду сам.
-Вы чего такая вошь,
вас и криком не примешь!
Принимайте город-рай,
На подарки налетай!
- Ну, а эту я себе –
...и потопал по избе.
Трехлинейку подкрутили,
и печурку затопили.
Дед молочные бидоны
из сеней втащил со звоном
и впустил в нагретый сруб
пенистый морозный клуб.
Что там было в тех бидонах:
ситный хлеб в больших батонах,
карамель в цветных кульках
и баранки в крендельках.
Снизу белые голицы
приютились, словно птицы.
Дед смеётся: «Детвора,
вот вам семечек гора.
Подавай, бабушка, таз,
будем жарить их сейчас»...
Самовар зафыркал смачно...
- В общем, съездили удачно,
закрутил усами дед.
- Мне нальёте или нет?!
До сих пор картинки эти –
островок на белом свете.
Развратили города
нам крестьянство навсегда.
Был в нем стержень непокоя.
Оно, жертвуя собою,
не уменьем, а числом
сохраняло отчий дом.
Неученая Мессия –
их трудом жила Россия.

12

Те, что в деревнях остались,
ненапрасно опасались
неразумных перемен.
Каждый здесь имел безмен.
Незатейлив инструмент,
но работает в момент,
если что-то нужно взвесить.
Не сходились в чистом весе
важность слов за новый быт
и трудов, с которых сыт.
Но у нас страна такая:
- Кто там не желает рая?!
Вам сказали и вперед!
...Сократили огород,
на косьбу пришел запрет.
Вы за комплекс или нет?!

13

Раньше был крестьянин ловок.
Для десятка трёх коровок
строил ферму на лугу,
на речном на берегу.
Ладил тихую плотинку
и поил свою скотинку.
На поля навоз возил,
и на всё хватало сил.
А колхозные доярки
для бурёнок как товарки,
что на ферме, что в лугах
и дружили не за страх.
Выпасалось плотно стадо,
и буренка была рада:
молока давать резон

по шесть тысяч за сезон.
Но, коль комплексы приспели,
экскаваторы запели
и пошел большой бетон.
Валят лес со всех сторон.
Завизжала пилорама –
всё ж своей страны программа.
Год - и комплекс весь готов,
аж на тысячу коров.
Всё внутри в нем от науки,
аппараты, а не руки -
автопой и автодой.
Молоко давай, не стой!

14

Зазвенели тосты, речи.
Мужику взвалив на плечи
современные дворцы,
разгулялись партотцы.
От приезжих делегаций,
от застолий и оваций
долго комплекс в страхе жил
и был сам себе не мил.
За медали, ордена
много выпили вина.
... Наши речки - невелички -
Пажи, Вондели, Светлички
открутились в бочагах,
поужались в берегах.
Но теперь большое стадо
и воды немало надо.
А у них ни берегов,
ни воды, ни родников.

1983 год.

ВЛАСТЬ

Пока крепили власть,
Пшеница занялась
И травы пожелтели на корню.
Наговорились вельможам
И остаётся пасть
Последнему колхозному коню.

ПУСТОТА

Нет в жизни нашей чистоты.
Душа скорбит, и сердце ноет,
Похоже, царствие земное
Полно никчемной пустоты.

Наш дух пропитан пустотой,
Пусть горько в этом признаваться.
Но наша вера может стать,
Идёт дорогою не той.

Застыл над нами Божий перст,
Он не простил грехи лихие.
Стоит растерянно Россия,
Где след Христа давно исчез.

РЕКВИЕМ ЛЬНОКОМБИНАТУ*

Уж третий век пошел с тех давних пор,
Как тишину унылой дереvушки
Вдруг разбудил локаловский топор
И встали на окраине избушки.
Сомнений много было у зеvак,
Не ведавших купеческой натуры,
Когда машины первые в барак
Ввозили для льняной мануфактуры.

Так новое всегда встречала Русь,
В опалу попадала одержимость,
И всё же через муки, через грусть
Российская росла неповторимость.

Не осознать, в каком полете сил
Кипела стройка на болоте голом!
И люд крестьянский к небу возносил
Локаловский упрек великоселам.
Вдыхалась жизнь в утробы корпусов,
Где к нити нить укладывалась плотно,
И фабрика, не снявшая лесов,
Уже рождала белые полотна.

И так всегда бывало на Руси,
Где одержимость без конца и края.
Вновь над Россией дождик моросит,
Святую память предков окропляя.

Покрыл поля небесной синевой
Цветущий лён, звеня на всю округу.
Рос с комбинатом малый город мой –
Гаврилов-Ям – и к северу, и к югу.
Менялись поколения, имена,
И крепла в мире слава комбината,
И множились награды, имена,
Как на груди бывалого солдата.

А сколько их осталось в той войне,
Их сверстники сегодня – ветераны,
А внуки их шагают по Чечне,
Их пули, смерти – уже наши раны.

Пройдут года, наступит новый век,
И назовут Гаврилов-Ям – Лыноградом,
И комбинат, как главный человек,
Продолжит в нем командовать парадом.
Пусть крепнет и цветет льняная Русь,
И копит мощь уставшая Россия,
В её судьбе и радость есть, и грусть,
И наша нерастраченная сила.

Мы нашей сутью выражены в ней,
Нам даже в мыслях далеко до рая,
Но светят верой купола церквей,
На одержимость нас благословляя!

** В 2015 году один из лидеров текстильной промышленности СССР – Гаврилов-Ямский льнокомбинат прекратил своё существование.*

**НАД МОГИЛОЙ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ**

А ковш вгрызался в глубину:
Прошёл «застой», прошёл «войну».
И вот из ямы роковой
Уже глядит «сороковой».
И мы глядим сквозь толщу лет,
Мы ищем свой пропавший след,
Мы ищем все теперь себя,
Ничто в прошедшем не любя.
И вот в ковше 38-й!
Там наш позор: и твой, и мой.
Там чёрный прах истлевших тел,
Там скрыта тайна чёрных дел.
Ни трёхметровый слой земли,
Ни известь след не замели.

Кому держать теперь ответ?
Прямых убийц в живых уж нет.
Но есть их дети, их родня.
Быть может им поддать огня?!
И есть сегодняшний чекист,
А так ли он пред нами чист?!
Осуществим святую месть.
Их в ту же яму, прямо здесь!

...Стоят все, головы склоня.
А мысли жгут и бьют меня:
Ужель, чтоб правду возродить,
Мы вновь готовы кровь пролить!

*Д. Селифонтово.
Июль 1990 г.*

НОВАЦИИ

От депутатского умища
По всей России толковища.
И от новаций толку нет:
Чем выше слог, тем больше бед.
В ушах уже шумит от звона
Сто тридцать первого закона:
Страну разрезали межи.
Не поселенья – миражи.
Куда крестьянину податься?
С Законом им не пободаться.
У Глав кружится голова.
Бюджета нет – одни слова.

2005 г.

ЗАРПЛАТУ ПРИРАВНЯЛИ К АЛИМЕНТАМ

Народ трудился из последних сил,
Поддерживал министров, президентов.
А доллар рубль с усмешкою топил.
...Зарплату приравнивали к алиментам.
Не по плечу, знать, стадо пастуху.
Хиреет жизнь не от мужицкой лени.
Воруется вольготно наверху.
Вот-вот страну опустят на колени.

А ДАЛЬШЕ ЧТО?

В самый пик сентября молодого
Тихий лес зарыдал и размок,
Поспешив клад руна золотого
Скрыть в своих сундуках под замок.

Всё казалось, что лето нетленно, -
Вдруг исчезло в тумане густом.
Преклонил день колени смиренно:
- Встану. Может быть, встану. Потом.

Все забыли и зной надоевший,
И полюшки под каждым кустом.
Возродили посёлок сгоревший.
Ну, а дальше? А дальше - потом.

Так скользим по слезам и страданиям.
Нет просвета уж в небе пустом.
Прозреваем опять с опозданием
И надеемся вновь на потом.

2010 г.

ПРОЗРЕНИЕ

Светла, как слеза,
Жизнь течет к своему рубежу.
Закрою глаза –
И в минувшие годы гляжу.

Там детские сны,
Там и мама, и дед, и отец,
И радость весны...
Только я не ценил их, слепец.

Всё было, да сплыло,
Полынью седой поросло.
Ничто мне не мило.
Вся прошлая жизнь – ремесло.

Все прошлые драмы –
Какая-то блажь, суета...
и папы, ни мамы.
В уставшей душе – пустота.

Ах, милые дети,
Поймите сегодняшних нас,
Пока мы на свете...
Да что вам втолкуешь сейчас!

НЕ МОЖЕТСЯ

Мне семьдесят уже, а я, как юноша,
Конечно, не снаружи, а в душе.
Мне наплевать, что горизонт мой выюжится,
Что трудно устоять на вираже.
Меня теперь не ранят даже гадости,
Что сыплются подчас со всех сторон.
Я в детстве не растратил слёзы радости,
Хоть стар уже, а в жизнь ещё влюблён.
Пишу стихи о солнышке и радуге,
В моих далёких детских временах.
Прошу друзей: - Послушайте, порадитесь!
А сердце жмёт порой какой-то страх.
Стараюсь жить мятежно, бурно, весело,
Но всё идет подчас наоборот!
И что-то Русь головушку повесила,
Не можется ей в этот трудный год.

КУДА ИДЁМ?

Мой дух слабеет с каждым днём
От славословья и новаций,
От пышных бюстов юных граций.
- Куда идём? Куда плывём?!

В ковчеге обнажилась течь.
Где нам найти такого Ноя,
Чтоб всё разумное земное
Сумел для добрых дел сберечь.

СТАРОСТЬ

Сгорает старенькая мать.
 Ей трудно срок свой доживать,
 Она устала понимать
 Наш новый век.
 И дети выросли давно,
 И внуков у неё полно,
 И не бодрит уже вино,
 И мир поблек.

Она лишь памятью живет,
 Беззубо прошлое жует,
 Порой себя не узнает,
 Хулит детей.
 Им вместо платы за добро
 Сует капризы под ребро.
 Тоска грызет ее нутро,
 Обидно ей.

Что делать! Знать, подходит срок.
 Уж не выходит за порог.
 Порой совсем не чует ног
 Под грузом лет.
 На старом сердце – пустота.
 Начать бы с чистого листа,
 Давно пора под сень Христа.
 Да веры нет.

ДОЖДИ

У летних дней – забот по горло,
У них всегда особый нрав.
Но слишком рано ныне стерло
Палитру яркую дубрав.

Пошли дожди – и день-гуляка
Как будто съёжился, озяб.
Глядит комбайн из буерака
На перепаханную зябь.

Он тут стоит с прошедшей жатвы,
Дождями втоптаный в кювет.
Его бы вытащить. Канат бы!
Да, говорят, каната нет.

Идут дожди, и ветры стонут.
Река, взбесившись, смыла мост.
Опять пойдет, никем не тронут,
Весь урожай коту под хвост.

И власть, и Бога – всех просили.
Ответ обычный: верь и жди.
...Идут дожди по всей России,
Осенне-летние дожди.

МНЕ КАЖЕТСЯ

Мне кажется, что жизнь моя плоха.
В избе сквозит. Возможно, от того,
Что между бревен не хватает мха.
Могли сороки выклевать его.

А может, я забыл прикрыть окно.
Днем было душно, а теперь сквозит.
А впрочем, в доме дыр полным-полно,
Как и в душе. Как всем я этим сыт!

Мне кажется: я вовсе не горю,
А тлею в жизни, что дала мне мать.
Ей хорошо, она уже в раю,
А мне еще придется умирать.

ВСЕМУ ЕСТЬ МЕРА

У сильных душ страдания сильнее,
Они живут внутри, сжимая боль.
И сердце, постепенно каменяя,
Не выполняет собственную роль.

Всему есть мера. И страданиям тоже.
Но как измерить эту меру в нас.
У сильных душ покоя быть не может,
Но и для них есть планка или час.

Как ограничить чашу испытаний,
Как уберечь сердца от дней лихих?
Безмерна глубина людских страданий,
И гибнут души, захлебнувшись в них.

***НЕ ПОТОМУ ЛИ
ГОРДОСТЬ НАША СТЫНЕТ***

Уходит век, в котором нам не первым
Терзали жизнь отчаянье и страх.
И до сих пор натянутые нервы
Нас выдают тревогой на устах.

Губила явь забытые деревни,
И брошенные рушились дома.
Мелькнёт в окошке лик старушки древней -
Как будто это Родина сама!

Да, нелегко жилось под этим небом.
В надеждах, что забрезжит впереди,
И пашня разродится добрым хлебом,
И сердце застучит сильнее в груди.

Мы верили в обещанную сказку
Из, в общем-то, оправданных идей.
Но размывали розовую краску
Слёзы нескончаемых дождей.

Не потому ли гордость наша стынет,
И нет стремленья взвиться во весь рост?!
Не потому ли так тоскливо ныне
Глядит на нас родительский погост?

МОЛИСЬ И ВЕРЬ

Плетётся в никуда уставший век,
 Как огонек, порхает по кострищу,
 А жизнь проживший в веке человек
 Идет, грустя, к родному пепелищу.

И, не найдя родительской межи,
 Опустится на землю отрешённо.
 - О, Боже! Помоги иль накажи.
 Нет, накажи! Грешён, во всем грешён я!

И встанет в рост Господь на облаках,
 И грянет гром, и молнии взметнутся,
 Горящий крест сверкнет в его руках,
 И в страхе дерева к земле пригнутся.

Перекрестив болящий мир перстом,
 Господь чела скорбящего коснется:
 - Ты вот что, человече, строй свой дом,
 Молись и верь. И дух к тебе вернется.

Уймись в грехах, прости грехи врагам,
 Молись не мне, а вере. Возлюбя!
 И благодать упадет к твоим ногам...

В который раз прощаю я тебя!

***СОЗДАЙТЕ ХРАМ
В СВОЕЙ ДУШЕ***

Создайте храм в своей душе
И святость веры сохраните,
И честь свою не оброните
На этом сложном вираже.

Знобит октябрьский ветерок,
В Россию гонит злую стужу,
И боль опять терзает душу-
Взведён истории курок!

Как наша память коротка,
И мысль скудна в волне амбиций.
Уже тошнит от репетиций,
К оглобле тянется рука.

И пот струится по спине.
В глазах опять – топор и плаха!
И вновь душа дрожит от страха
За храм в истерзанной стране.

2005 г.

ДЕНЬ ЧК

Помню, в этот день душа взлетала
 От гордости за службу и страну,
 Мы были закалённее металла -
 Сыны отцов, осиливших войну.

Сейчас терзают землю катастрофы.
 То праздники, то траурные дни.
 И не ложится радость в эти строфы,
 И гаснут даже вечные огни.

Все откровенней пошлости сиянье
 На юрмальских и прочих пикниках.
 Все выше незаслуженные званья.
 Все меньше жизни в наших стариках.

Таков итог. Вот всё, что им досталось
 За честный труд и преданность свою.
 Сломать страну – нужна такая малость:
 Убрать семидесятую статью!

ВТОРОЕ ДНО

Мы трудились на страну,
На народную казну.

Труд такой теперь не в моде:
Интереса нет в народе.
И какой же обормот
Будет вкалывать за МРОТ.

Век открыл второе дно -
Русским быть не выгодно.

Вера стала новой,
Только нездоровою.
Утомилась земля-мать
Своих деток принимать.

ЗАБВЕНЬЕ

Моё поколение
Уходит в забвенье:
В те дали, где россыпи звёзд.
И рвутся цепочки
На мелкие звенья.
...2016-й год!

**Я ВЕРЮ В МОЩЬ
РОССИЙСКУЮ**

1

На склоне жизни прожитой
Ясней года прошедшие,
Мы с фотографий стареньких
Глядим в простор мечты.
Улыбчивые, юные
И неосиротевшие,
Не знающие трудностей,
Обид и пустоты.

Как мало нам отмеряно
Земного и невечного,
И годы, как горошины,
Всё катятся быстрой.
Мы жить спешим и каяться,
Не зная дня конечного,
В той гонке потерявшие
Отцов и матерей...

2

Мне кажется, страдания –
Основа нашей нации.
Мы вечно пробиваемся
Сквозь горы и сквозь льды.
Теряем экспедиции
Под слёзы и овации.
И вновь звеним идеями
Зовущей нас беды.

На стройки эпохальные,
Как на волне безумия,

Свозилась эшелонами
Вся молодость страны.
И там - в краях гулаговских,
Лишь о грядущем думая,
Кипела жизнь свободою
Натянутой струны.

Поэты, литераторы
И музыканты лучшие
Искали краски свежие
Героике идей.
В палатках нескончаемых
В лесах, в морозы жгучие
Рожали наши женщины
Неплачущих детей.

Не потому ли нынешних
Защитников Отечества
По всей стране с конвоями
Сгоняет наша власть.
С недоумением смотрит в нас
Другое человечество,
Чья жизнь без битв и подвигов,
Похоже, удалась.

3

Мне раньше часто думалось -
Какие мы счастливые!
Родились в мирном времени
В прекраснейшей стране,
Где спай серпа и молота,
Где люди непугливые
И беды все оставлены
В победной той войне.

Я помню жизнь колхозную,
Поля в пшеничном колосе,
Луга, ковром лежащие,
Что славил соловей.
Где люди пели, спорили,
Где гордость в каждом голосе,
Мечты, надеждой полные,
Любовь к земле своей.

Россия деревенская
Была добротной скроена,
Народищу - не меряно:
Как дом – так детский сад...
Сегодня она вымерла.
А что осталось – споено.
А на полях непаханных
Коттеджи в ряд стоят.

Народ уже не строится,
Стоит в рядах просителей,
Сердцам, трудом надорванным,
Невозмогу стучать.
Уже на свалках роются
Потомки победителей,
Людишки безработные –
Теперь уже не рать.

Так где же мощь российская,
Судьба ее Великая?!
Все ей по силам: Мининых,
Платонов нарожать.
Еще возьмутся за руки
Народы многоликие,
Уже приходят рыцари
Россию возрождать.

2001-2005 г.

ПРОМЧАЛИСЬ ГОДЫ

Сплетались струи Вонделя и Пажи,
И в их объятьях стая окуньков
Стояла несмываемо на страже,
Хватая мелкоту у берегов.
А над водой смородина клонилась,
И гроздь ягод мылись в быстрине...
Той красотой душа моя пленилась,
И до сих пор она живет во мне.

Промчались годы. Пажа пересохла,
И Вондель превратился в ручеек.
И, как через невымытые стекла,
Тускнеет бывший детства уголок.
А жизнь моя, как будто в половодье,
Грохочет на стремнинах бурных лет,
Как конь, летит! И я тяну поводья,
Но бег остановить уж силы нет.

***В КОТОРЫЙ РАЗ ПРОЩАЕТ
НАС ГОСПОДЬ!***

Без русских сел Россию не понять,
Они - ее истоки и начала.
В их именах её любовь звучала,
А храмы источали благодать.

Не стёрта память. Жаль, что стерта плоть.
От многих сёл остался только пепел,
Но лик Руси и сквозь разруху светел...
В который раз прощает нас Господь!

Глава 8

СТРАНА ПЕЧАЛИ И ЛЮБВИ

ЛЮБОВЬ

Нетронутая ветка винограда,
Две рюмки недопитого вина...
- Так я пойду? - спросил он виновато.
- Иди, - сказала шёпотом она.

ВСЁ ПОЗАДИ

Тоска... А время не воротишь,
Как будто жизнь на волоске.
Как будто в вечность ты уходишь,
Такая грусть в твоей руке.
И глаз доверчивая ясность,
И в горле ком – Не уходи!
И губ твоих тугая властность –
Всё позади! Всё позади!

ДУХ БУКЕТА

Когда мороз почти до слез
Мне шкурит щеки.
А я несу сосульки роз
В печальном шоке.
Так вдруг захочется тепла,
Ржаного лета,
Чтоб ты с любовью приняла
Сам дух букета.

ЖАР-ПТИЦА

Распусти оперенье, жар-птица,
И на дерзость мою не гневись.
Дай с дороги водицы напиться.
Приласкай, обогрей, улыбнись.

В твоей горнице пахнет уютом,
И гостями, и добрым вином.
И шампанского взрывы – салютом,
И ты вся в измеренье ином.

Пусть наш праздник хмельной разгорится,
И взовьётся мелодия ввысь.
Распусти оперенье, жар-птица
И на дерзость мою не гневись!

НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ

Не забывай меня
И там, в кругу друзей,
Где всё иначе,
Где другие нравы.
Мы, расставаясь,
Может быть, не правы.
Но, становясь придирчивей
И злей,
Врачуем растревоженные
Раны,
И что нам в это время
До людей,
Которым и поступки наши
Странны...
Не забывай меня!
Не верю, но прошу.
Я знаю точно –
Будет всё иначе.
Но наш февраль
Я в памяти ношу
И плачу сам,
Когда снежинки плачут.

ЧУДО

Ты хочешь чуда, небесной манны,
Ты просто хочешь и просто ждёшь.
А я не буду тебя обманывать:
Ты чуда этого не найдёшь

Ты не увидишь его, не выделишь
И, может, мимо порой пройдёшь...
А чудо было! И это, видишь ли,
Просто грибной серебристый дождь.

А это радуги многоцветье,
И в чистых лужах веснушки звёзд,
И в опьяняющем бабьем лете
Ржаные косы лесных берёз.

Ты хочешь чуда, как неба синего,
Не повернув головы назад.
А это чудо в листве осиновой.
И ещё больше... в твоих глазах.

СКОЛЬКО ОТЦВЕЛО ЛУГОВ

Думал, может всё пройдёт и откатится.
 Ветер ласково трепал её платице,
 Река струилась в тишине под старой ивою,
 И была она, как солнце, красивою!

Я ей руки целовал, губ не трогая.
 Она юною была, недогроюю.
 Я нырял в густую глубь омутиную,
 Рвал кувшинки под водой прямо с тиною.

Я кидал их из воды прямо в руки к ней,
 И звенел её восторг посреди полей!
 Как была она стройна на обрыве том,
 Как была она юна на лугу густом.

... Сколько отцвело лугов с тех далёких дней.
 Ни кувшинок, ни ветлы на реке моей.
 Лишь смеётся пережат струйкой звонкою,
 Над которым вновь стоим с той девчонкою -
 Верной спутницей моей, Богом венчанной,
 Самой лучшей, дорогой милой женщиной.

*ЛЕТА БАБЬЕГО
УЛЫБКА*

И вновь осенняя соната...
Над прозрачною рекой
Тихо дремлет в звоне злата
Очарованный покой.

Праздник красок быстротечен.
И осенний карнавал
Грустью тихою помечен,
Как осколок счастья мал.

С каждым днем прозрачней роши.
По утрам озноб и стынь.
И все чаще дождь полощет
Выцветающую синь.

Но лишь луч шальной и яркий,
Тронет речку и мосток,
Ляжет вновь румянец жаркий
На трепещущий листок.

Лета бабьего улыбка
Разогреет в жилах кровь...
Только все в природе зыбко,
Быстротечно...
Как любовь.

МОЙ АНГЕЛ

Мой ангел, мой колючий «скорпион»,
Я без тебя не стою ни копейки,
Как лист осенний на сырой скамейке.
Я столько лет в тебя уже влюблѐн!

И годы - прежний юношеский пыл
Во мне и до сих пор не остудили.
Порой несправедлив и груб с тобою был,
Но это не поймут лишь те, что не любили.

Ворчунья ты моя, как тучка в небе ясном,
А лишь рукой коснусь, как солнышко мила.
Мы не считаем лет, мы в возрасте прекрасном.
И до сих пор во мне любви твоей стрела.

Цвети, моя любовь, как эти хризантемы,
И энергичной будь, как ныне, как всегда.
Пусть будут наши дни чудесны и нетленны
И много, много лет – гори, моя звезда.

**КОГДА ПОЭТ ИЗМУЧЕН,
НО ВЛЮБЛЁН**

Т.В.Г.

Ты жизнь вселяешь в каждую страницу.
Я благодарен ветреной судьбе.
Тебя, мой друг, прекрасную синицу
Сам выбирал я в спутницы себе.

И первой песней, гимном первой ночи
Был луг в фокстроте синих васильков...
Прошло сто лет, и миллионом строчек
Тебя воспел я в сотнях лучших строф.

Ты в них, мой ангел, очень многолика,
Тебя создал я в тысячах имен.
Поэзия тогда лишь и велика,
Когда поэт измучен, но влюблён!

2009 г.

ВСТРЕЧА НА БАЛУ

Бал кончен, но свеча еще горит.
Превратности судьбы, ужели нами правит
Летающий лепесток взорвавшейся зари
И юных вёсен пыл, что губит нас и старит.

Закончен бал, но не последний вальс
При меркнувшей свече мы кружим вдохновенно.
Притягивает он разьединенных нас,
Вдруг встретившихся вновь
В такой большой вселенной.

***ВСЁ БУДЕТ,
ТОЛЬКО УЛЫБНИСЬ***

Не говори, что, не любя,
Ты прожила безверья годы,
Что не светили для тебя
Сердца людские в непогоды,

Что лучик солнца не будил,
Лаская смеженные очи,
Что год за годом проходил,
Не подарив прекрасной ночи.

Всё было, только дотронись
Рукой до памяти уставшей.
Всё будет, только улыбнись,
И новый день затмит вчерашний!

ЗА СНЕЖНОЙ ПЕЛЕНОЙ

Снова праздник. Старый год – к финишу,
Окна расписал мороз пальмами.
Не найти уже во мне юношу,
Покорявшего танцами бальными.

От шампанского - глаза синие,
И как прежде ты цветешь юностью,
Но царапают паркет линии,
Это я тебя кружу с трудностью.

Новый год, как внука, мы встретили,
До него немало лет прожили.
И неважно: внуки ли, дети ли,
Подругому наш мир сложили.

ЖЕНЩИНЫ

Недоступные женщины!
Где уж мне, деревенщине,
За телегой, да лошастью
Выбрать в жёны хорошую.

Мне б детей целый выводок,
Я ведь вовсе не выродок.
А венчанье – то наше бы,
Да за плугом размашистым.

Но живу нерастраченный,
Жду свой час не азначенный.
Знать, мне жизнью завещаны
Недоступные женщины.

НАШИ ЖЁНЫ

Как мы часто не понимаем
Наших девушек, наших жён.
Как мы часто не принимаем
Тот огонь, что для нас зажжён.

Мы слагаем стихов тирады,
Узнаём на снегу ваш след.
Изменяем, когда вы рядом,
И страдаем, когда вас нет.

БЕРЁЗА

Сникли ветви у берёзы,
Вот и к ней пришла беда:
Сок весенний, словно слёзы.
Провалиться б от стыда!
Где же сладость вешней влаги?
Отчего солёный вкус?
На стволе, как на бумаге,
Всех годов прошедших груз.
Пролетела её юность,
Где была она стройна.
... В ней сегодня не проснулась
Ошалевшая весна.

БЕРЕГИНИ

Ненаглядные вы наши,
Радость, горе, боль и свет.
Нет вас ласковей и краше
И надёжнее вас нет.
Вы в миру всему начало,
И мужской мятежный род
С материнского причала
Начинает свой поход.
Вы для нас покой в унынии
И в быту великий чин.
Вы по жизни «Берегини»
И «жалельщицы» мужчин,
Мы сильны своим напором,
Мы упрямы и вольны,
Но под вашим властным взором
Мы во многом лишь «Увы».

***И ГДЕ ЭТОТ ТРЕПЕТ
ДВАДЦАТОГО ВЕКА***

Как стало легко ныне женщин любить.
Вопрос не стоит уже – «Быть иль не быть?»
Причина - разгаданность нежных созданий.
Угасла интрига рассветных свиданий.

И где этот трепет двадцатого века?
И где эта скромная чистая нега?
Не знали мы фразы тогда - «Се ля ви».
Мечтали о долгой и чистой любви.

И в марте любимым дарили не розы.
Какие цветы, если снег и морозы.
От желтенькой веточки скромной мимозы
Искрились в глазах их лучистые слезы.

А ныне, в век лайнеров, трудностей нет,
Лишь были бы деньги – и будет букет.
Без запаха счастья, любой заграничный.
Для женщины в марте подарок отличный.

Но кажется мне, что и в нынешнем веке
Для женщины счастье в самом человеке.
В его доброте, чистоте, состраданье,
Чтоб прожитый день был похож на свиданье.

БОЖЕСТВЕННЫЙ МИГ

Рассвет в окно сочится мутно,
Проснуться можно бы уже,
Но мне так сладко и уютно,
Так хорошо в моей душе.

И близость губ и рук объятье,
И все, как будто бы в раю,
И не могу не удержать я
Тебя, желанную мою.

В твоих ресницах утра блики,
Земной покой в дремотный час.
Как глубоки и как велики
Слиянья чувств, связавших нас!

ДРУЖБА

Быстровой З.И.

Задумал книгу я,
Просил о встрече.
Сказала мне: «Фигня,
Хвалиться нечем.
Ты, мальчик, сероват,
Хотя и в сани.
И план твой сыроват,
Всё, как в тумане...
Но я всё ж помогу,
Хоть не в охоту.
Иначе не могу,
Люблю работу».
Был у неё свой стаж
В партийных зонах:
Правдист, собкор и страж
В трёх регионах.
Спай опыта, ума
В ней жёстко слились
И все они в меня
Как клещ вцепилась.
От хватки от такой
Мне было больно.
И думалось порой –
«Я сыт, довольно»!
Но я тащил тот крест,-
Такая служба.
И словно благовест,
Родилась дружба!
И сколько же она
В меня вложила!
И опытом своим
Вооружила.

Политик-интриган,
А может хуже,
А я поэт - болван,
Лентяй к тому же.
И всё же довела
Кнутом, интригой –
И разродился я
Хорошей книгой.
...Прошло немало лет
В большом походе -
Я в общем не поэт,
А что-то - вроде.
Она же, как таран,
Совсем не в суе
Питает мой талант,
Мозги прессуя.
На зов её души,
На взбучку злую:
«Пиши! Пиши! Пиши»!
Опять пишу я.

***МНЕ ОБЕ ДОЧКИ
РАВНО МИЛЫ***

Когда-то я сказал жене:
Мне дочка младшая милее.
В нее вложу, что есть во мне,
Чтоб выросла умней, смелее.
Я даже имя для нее
Придумал сам. Назвал Ириной.
В ней с детства было все мое:
Упрямство, резвость. .Балериной
Ее я видеть не хотел.
Она неплохо рисовала,
Она надежды подавала...

Но я, зарывшись в гуще дел,
Не находил для дочки время.
Моих фантазий, планов бремя
Несла, как водится, жена.
И в воспитании она
Двух дочерей все ж преуспела.
А дочь росла, а дочь выросла...
И вот тогда-то я решил:
Мне обе дочки равно милы.
Собрав оставшиеся силы,
Их предложеньем оглушил:
Позвал я их в речной поход.
Костры, купанье и рыбалка.
Как было мне дочурок жалко:
Опять я, родине служа,
Пропал на лето в дальних даях...
На заработанных медалях
Грустинкой проступила ржа...
Сегодня дочери мои
Своих детей считают годы.
Ирину радуют походы,
Байдарки, вешняя вода,
А Юлю грядки, как всегда.
Теперь лишь внучки Аня, Вика
Зовут дедулю на простор.
А у меня – стучит «мотор».
Да и силенка не велика.

2007 г.

АНЮТКА

Анютка, милая Анютка,
Тебе сегодня восемь лет.
В масштабе жизни лишь минутка,
В твоём масштабе – яркий след.
Совсем недавно ты в кровати
Пустышкой чмокала, пыхтя.
Сейчас – учебники, тетрадки,
Сейчас ты вовсе не дитя.
Твои запросы повзрослели
На этом новом рубеже
И деревенские качели
Тебя не радуют уже.
Ты вся из бантиков и танцев,
Из маникюров, томных поз,
Из черных глаз и из румянцев,
Из модных платьев, длинных кос.
Тебе, шалунье длинноногой,
Так много нужно одолеть.
Я на тебя смотрю с тревогой,
И плакать хочется, и петь.
Я б все отдал, чтоб в жизни грешной
Ты чистой душу сберегла,
Чтоб доброй, ласковой и нежной
Ты сохранить себя смогла,
Ведь в нашей жизни многоликой
Мы все сильны родством крови.
И это счастье - жить в Великой
Стране печали и любви.

1999 г.

МОЯ ГОРОШИНКА

Внучке Виктории

Маленькая крошинка.
Новая история.
Спит моя горошинка,
Спит моя Виктория.

Я стою над пышечкой,
Наклонясь над зыбкою,
Чмокает пустышечкой
С сонною улыбкою.

Что же снится крошечке,
Не сироп ли грушевый,
Или кашка в ложечке,
Или мишка плюшевый?

Баю, баю, крошинка,
Скоро мама явится.
Спи, моя горошинка,
Спи, моя красавица.

1996 г.

**У МЕНЯ РАСТЕТ
ВНУЧОК**

Внуку Павлику

У меня растет внучок.
Непоседлив, как сверчок,
Он еще не говорит,
Но уже давно шалит.
Он улыбочив и подвижен
И уже сейчас престижен.
Опасаясь одного:
Мама балует его.
Он одет всегда с иголки,
Начиная от бейсболки.
Джинсы, маечки, ветровки,
А на них цветы, коровки,
Кисти, кнопки, фурнитура –
Не ребенок, а фактура.
Он в игрушках до макушки:
Самокаты, танки, пушки,
Самосвалы, трактора,
Разных кубиков гора.
Этим разноцветным раем
Мы с бабулею играем.
Он мой самый первый внук
И не сходит с наших рук.
Поднимаю его в рост,
Он впивается мне в нос.
У него один лишь зуб,
Острый, словно ледоруб.
Намекает: - Не балуй.
Это Пашкин поцелуй.
Вот какой у нас внучок -
Настоящий мужичок.
Он пока не говорит,

Но уже шумит, творит.
За стволы таскает пушки,
Отрывает мишкам ушки.
Только в музыкальной книжке
Что-то нравится мальчишке.
Значит, нужно стартовать,
Песню в Пашке развивать.

НЕ ПЛАЧЬ, ДРУЖОК

Мой внук быть хочет силачом,
Пронзать копьем, рубить мечом,
Ему болячки нипочем...
Но вот друзей дворовых рать
Уже боится с ним играть.

Мой внук мечтает быть героем,
Свою команду водит строем,
А вот команда недовольна,
Ей бегать хочется привольно.
...Не плачь, дружок, - и командирам,
Не удастся править миром.

**ВНУКУ НАШЕМУ
ТРИ ГОДА**

Внуку нашему - три года...
Май, хорошая погода.
А вчера и стар, и мал
День Победы отмечал.

День Победы фронтовой
Закудрявился листвою,
Как и в тот далекий день,
Когда огненную тень,
Страх, утраты, горе, беды
Разметал салют Победы.

Пролетело много лет,
И солдат Победы нет.

Но растет наш внук - Павлушка,
Мужичок, а не игрушка.
В нем ушедших предков стать.
Он упрямым буйным – в мать.
Силой, кряжистостью в дедов,
Не из кислых домоседов.

Очень хочется , чтоб он
Был Россией опьянён.
Чтоб любил ее берёзы,
Её молнии и грозы,
Был оплотом её сил
И слугой ей верным был.
Был опорой для народа.
...Но пока ему три года.

10 мая 2010 г.

ФАНТАЗИЯ

(на рождение правнучки)

На полянке Поленьке
Слепит глазки солнышко,
Тянет ручки Поленька
К полевым цветам.
Песню колыбельную
Ей поёт соловушка.
И ласкает Поленьку
Лучшая из мам.

14 февраля 2016 года

ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ ДЛЯ ДУШИ

Чего-то не хватает для души.
Молодые слишком хороши,
Да и я уже не их герой
И ношу давно не их покрой.

Да и дома тоже не в тиши,
Чего-то не хватает для души.
Всё тревожней ноет грудь моя:
Для чего все планы бытия?

Уж не за горами ночи рок,
Раздаю, что для детей сберёг,
Лишь бы только в радость, лишь бы впрок,
Чтоб не разломил, как пирог.

Я всю жизнь чего-то создаю,
Чтоб собрать под крышей всю семью.
По ночам мне часто снится сон:
Я детьми, зятьями окружён,

На лужайке стол и самовар,
В бане душу греет жаркий пар,
Внучки скачут под фонтаном брызг,
Радуга, веселье, детский визг...

Но пустынен дом и грустен сад,
И работа не идёт на лад.
С опозданием мы осознаём,
Для чего страдаем и живём.

У детей свой путь, свои долги.
Мы в капризах старческих строги
И от встреч, что с нетерпением ждём,
Обоюдно остро устаём.

Видимо, так создан человек,
Потому и короток наш век.
Чем земное счастье создавать,
Проще по ушедшим тосковать.

На погостах в мире тишины
Глуше ощущение вины.

БУДЕТ ТАКАЯ ВЕСНА

А ведь будет такая весна,
Где и мир, и цветы, и дорога -
Всё очнётся от зимнего сна.
Только я воспарю в лоно Бога.

НЕПОСТОЯНСТВО

Дитя ненадёжной, капризной природы,
Я каждой зимой дожидаюсь весны,
Но весны, как искры, мелькают сквозь годы
И гаснут, несбывшихся планов полны.

Мигнуть не успеешь, а летние зори
Не славит уже соловьиная трель.
И вот уж грустнеет пшеничное море
И в травах кончает скрипеть коростель.

Желтеют за речкой лесов окоёмы,
Прозрачней становится глубь омутов
И осень зовёт в золотые хоромы...
Но я уже в зиму влюбиться готов!

ПОЭТ

Вспомнят люди когда-то:
- Да, здесь жил мужичок,
Даже был депутатом,
Весь в делах, как сверчок.
И весёлый, и странный
Вроде курбских кровей.
Жил с женою Татьяной,
Бабкой шустрой своей.
Работающая пара:
Летом дом весь в цветах,
А вокруг самовара
Гости, тоже в летах.
Часто к ним приезжали,
Пели песни ладком,
Стариков уважали
И любили их дом.
Здесь прекрасное место:
Сад и пруд – всё его.
Был он местным поэтом
И стихи – ничего.
Но с годами не спорят -
Незаметно и сдал.
- Говорите, – полковник, -
Нет, не знаю...
Не знал.

СОЛОНЕЦ

И я уйду, как мама, как отец.
Как дедушка, прославленный стихами,
Как бабушка Матрена в Солонец*.
Стоять селу, удобренному нами.

Здесь дядюшка и братик юный мой.
Мои друзья по детству и соседи.
Холмится первозданной красотой
Церквушка... Купола в заплатках меди.

Литые плиты к паперти ведут,
Где, может быть, и след мой детский впитан.
Мое начало и конец мой - тут,
Мальчонки, что Россиею воспитан.

2009 год.

**Солонец – село в ярославском районе, церковь
«Благовещения Пресвятой Богородицы»*

НУЖНО ЕДИНСТВО

России нынче не до спора
И не до символов святых.
Нужна ей крепкая опора,
Единство юных и седых.

НА ПОДЪЁМЕ

Когда мчишься по жизни к вершине,
Иногда замирает в груди.
Свет далёкий, как пламя в лучине,
Чуть мерцает на пике пути.
Так и будет, пока ни поверишь
В существующий Рай впереди.
Вот тогда и судьбу не изменишь,
Только вниз с высоты не гляди.

МУЗЫКА СТИХОВ

Один поэт не знает нот,
Читаешь, а душа поёт.
Другой – железной рифмой блещет,
Читаешь, а душа скрежещет.

СВОБОДА

Мы все свободою горим
И говорим, и говорим.
Но вторит голос сотен лет:
- Свободы нет, свободы нет!

ЛОДЫРЬ

Зима! И лодырь спит на печке
Который день подряд.
Его лошадка и овечки
Некормлены стоят.
Открой сомкнуты негой взоры,
От пьяных снов очнись,
Зовёт последний залп Авроры
Тебя в капитализм.

СТОЛБУ

Стоит он большой и нескладный,
Сечёт его ветер и дождь.
Если бы это, то ладно,
Могли б чем-то другу помочь.

Стоит он большой, одинокий,
Там даже укрытия нет,
Стоит он у самой дороги...
А как же сходить в туалет ?

В пылу девяностого года
Исчезла душа у народа...

За действия, сулящие успех,
Полушками одариваться грех.

Не всегда серебром покрываются
Двадцать пять вместе прожитых лет.
Так со временем оба намаются,
Что и радости в прожитом нет.

Умей прощать своих врагов...
Бить будут чаще и больнее.
Терпи!

Смерть за веру – это не крушенье,
В небесах – другие города.
Там нас ждут покой и утешенье,
И любовь... И это навсегда.

Надо мной золотистое небо
Иль закат, или отблеск пожара...

Не говори мне старые слова:
От них быстрее седеет голова.
Они как мы, страдают и болеют,
Но только объясниться не умеют.

СОВРЕМЕННОКИ О ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ ГОЛИКОВА

«... Мы оторвались от земли, многое утратив без целительной связи со своими глубинными корнями. Вот эта боль, вернее осознание её, даёт, на мой взгляд, главный импульс стихам Валерия Голикова... Ему удаётся выразить свои чувства естественно, легко, не вымучивая слова... Раздольно, свободно льётся его речь, согретая сердцем... По корням своим, самым глубинным сокровенным нравственным основам – автор – человек от земли. Настолько велика в нём её сила, нас породившая, вскормившая, не отпускающая от себя. Вроде бы давно горожанин, обжил жизнь иную, не сельскую. А вот поди ж ты... Только думается, чем бы в жизни своей этот человек ни занимался, ему суждено на веку – без усталости, испулённо, безотлучно дружить и работать со словом, образом, коллизиями, – той живой малопослушной тканью, из которой создаются стихи...»

*З.И. Быстрова, член Союза журналистов СССР,
заслуженный работник культуры РСФСР*

«Ко всему творчеству поэта Валерия Голикова предложил бы в качестве эпиграфа всего одну строку из Н.Рубцова: «Тихая моя родина...». К этому подвигает само название поэтического сборника – «Всё, чем живу»,

Валерий Павлович прекрасно понимает, что такое литературная традиция, стихотворная техника. Близок ему и эксперимент. Строка его точна и зрима. Лирик Голиков отличается удивительной мягкостью, родственным отношением к предмету изображения. В нём сочетается, казалось бы, несочетаемое: детский наив с пронзительным «третьим глазом». Есть в его открытых, внешне простых стихах некая потайная сила, которая заставляет дышать с автором в унисон, шагать в ногу.

В творчестве В.Голикова меня всегда привлекал не только его, лично ему присущий, язык, но интонация, весьма необычная. А интонация, как известно, – музыка души... Валерий Голиков – лирик самый подлинный, не декларативный, что картинно грустит

под берёзкой о «малой родине». Родина у него большая, до боли своя, вот только говорит он о ней негромко, даже как бы застенчиво. Так говорят о самом дорогом, любимом, близком. Такие стихи не сочиняются, их надо прожить, переболеть ими...»

Е.П. Гусев

член Союза писателей России

«Мы, русские люди, живущие в срединной России, на всю жизнь очарованы грустной красотой нашей родины. Никто нам не втолковывал этого, а если пытался втолковать, то всегда был вторым. Первой была сама красота – вот эти зелёные пригорки и медленные реки, эти фиолетовые закаты и белоствольные рощи...»

Стихи Валерия Голикова рождены изумлением перед красотой жизни под русским небом... Даже когда поэт печалится или негодует, он и печалится-то только потому, что не сможет, как и все мы – короток человеческий век! – вечно смотреть на красоту родины; он негодует, когда видит, что красоты остаётся всё меньше:

*Речка моя,
где твои белобрысые плёсы,
тишь омутов
и смородинный дух над водой*

Валерий Голиков идёт в своём творчестве по столбовой дорожке русской литературы – дороге традиции, дороге веры и любви. Хочется пожелать ему на этой дороге новых поэтических находок».

Е.Ф. Чеканов

член Союза писателей России

«Хотя поэт и трудится без устали, и ночи не спит, но всё равно не совсем ясно, откуда приходят стихи? Оказывается, какой-то секрет мастерства существует: «Но вот однажды зимним днём / Меня обдало, как огнём / И я испуганно притих... / Во мне рождался первый стих». Это слова из стихотворения номинанта Международного конкурса «Поэзия без границ» Валерия Голикова «Первый Стих».

О. Логачёва

«Выход в свет новой книги – всегда событие особенное. Причем не только для самого автора, но и, конечно, для читателей. Таким событием стал для Гаврилов-Яма очередной сборник стихов Валерия Голикова, который он представил библиотекарям района. Валерий Павлович, вне всякого сомнения, – один из самых плодотворных и, главное, издаваемых авторов Гаврилов-Яма...

Кое-кто из женщин, собравшихся на презентацию в читальном зале районной библиотеки, даже украдкой вытирал глаза, настолько зацепили их поэтические строки».

Л.А. Бикмурзина

Библиограф

«Стихотворения В.Голикова отличаются звукозаписью, поэтическим языком, в котором звуки упорядочены и организованы, строчкам присуща мелодика... А внутренняя рифма, которую он удачно использует во многих стихах, является одним из художественных приёмов в поэзии...»

Бедная Н.В.

«У Валерия Голикова стихи патриотические, не уходящие от темы. Любовь к Родине, России, к бабушке, к деревне и родной земле. А какие сравнения! «Как в сенокос копы на вилах, / Вот так стихи не удержать!». И про горе-поэта, и про хлеб, и про Есенина. Всё сжато, лаконично...»

Скворцова Анна

«У Вас чистые, русские стихи. Сейчас, или пока, многие боятся так писать...»

Юрий Лубкин

«Понравилось всё – от первой до последней строчки, буду голо-совать за Вас. Утверждена публикация в конкурсном сборнике».

Директор литературного агентства

«Новые имена»

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Голиков.

О времени и о себе..... 4

Глава 1. СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ И МИРА

Черта – 1941 год.....	12
Жизнь.....	13
России рядовой.....	15
Художник.....	18
Быль.....	19
Солдатка.....	20
Афганская весна – 1988 год.....	21
Далёкая и близкая.....	21
ОМОН -1999 год.....	22
Нищий воин.....	23
Не хватает ли горя.....	24
Мы по жизни близнецы.....	25
Тугова гора -1257 год.....	26

Глава 2. МАЯКИ ДЕТСТВА

Наше детство.....	28
Хорошо быть маленьким.....	29
В кузнице.....	30
Отец.....	30
Не потерять бы седока.....	31
Рождество.....	32
Заговенье.....	34
Память.....	37
Мой дед.....	39
Не хотелось в город мне.....	40
Мне сегодня приснилась весна.....	41
Помню бабушкины речи.....	42

Глава 3. НАША ЮНОСТЬ ПАХЛА СОЛНЦЕМ

Вот и кончилось детство.....	44
Понять бы слёзы мамыны.....	45
Чудесная быль.....	46
Рай нашей юности.....	46
Я тебя найду.....	47
Дорога в жизнь.....	48
Испытанье целиной.....	49
Первый в жизни дневальный.....	50
Далёкое время.....	50
Молодость.....	51
О прекрасных днях не спорят.....	52

Глава 4. ПЬЯНЯЩИЙ ВОЗДУХ РОДИНЫ

Первый стих.....	54
Родной порог.....	55
Воздух Родины.....	56
Бабка Пелагея.....	58
Мы идём вперёд чутьём.....	61
Мы – дети прошлого столетья.....	61
Ужели также станет с нами.....	62

Глава 5. КАК ВЕЛИК ВО МНЕ ТВОЙ ГОЛОС

Родина.....	64
О чём писать поэтам.....	64
Наказ Рубцова.....	65
Новый век.....	65
На исходе октября.....	66
В февральскую оттепель.....	66
Федосьино.....	67
Весне сдаются холода.....	68
Тропа в май.....	68

Апрельская весна.....	69
Сижу на даче с генералом.....	69
Не вяжется строка.....	70
Гимн дню.....	70
Утренняя музыка.....	71
В саду лучистое затишье.....	72
Виноград.....	73
Слёзы бабьего лета.....	74
Где ты, день вчерашний.....	74
Осенняя соната.....	75
Осенний вечер.....	75
Я свои стихи рисую.....	76
Солнечный луч.....	77
Пруд.....	77
Засыпает матушка земля.....	78
Покров.....	79
Перед банькой.....	79
Пастухи.....	80
Вечный слуга.....	81
РАИ.....	81
Моё сердце парит в поднебесье.....	82
Хлеб земли.....	83
России бездорожье.....	84
Пора сенокосная.....	85
На тяге.....	86
Охота.....	87
Зимний рай.....	87
Русь ямщицкая.....	88
Село Митино.....	89
Российский городок.....	90
Гончар.....	91
Моя песня.....	91
Созидатели дорог.....	92
Легенда об озере Рица.....	93
Мечты.....	95
Чем дольше живу.....	96

Глава 6. КУДА ТЫ МЧИШЬСЯ, РУСЬ

Ускоренье.....	98
Перестройка.....	98
Горе.....	99
Поздней осени убор.....	99
Русь уставшая – не рай	100
Поймёт ли Русь.....	101
Времени не слущенный курок.....	102
Жили – не тужили.....	103
Только годы пролетели.....	104
Не дотянув чуть-чуть до лета.....	106
Лжеповодыри.....	106
Зажигалка друга.....	107
Владу Листьеву.....	107
Где бизнес, там - не до еды.....	108
Грешники.....	108
Видно, осень виновата.....	109
Не простой народ.....	110

Глава 7. В КОТОРЫЙ РАЗ ПРОЩАЕТ НАС ГОСПОДЬ

Голос предков.....	112
Октябрь.....	113
У предающих сердце не болит.....	114
Защити обнищавший народ.....	115
Русский я.....	116
Власть.....	128
Пустота.....	128
Реквием льнокомбинату.....	129
Над могилой репрессированных.....	131
Новации.....	132
Зарплату приравняли к алиментам.....	132
А дальше что?.....	133
Прозреньё.....	134

Не можется.....	135
Куда идём?.....	135
Старость.....	136
Дожди.....	137
Мне кажется.....	138
Всеми есть мера.....	138
Не потому ли гордость наша стынет.....	139
Молись и верь.....	140
Создайте храм в своей душе.....	141
День ЧК.....	142
Второе дно.....	143
Забвенье.....	143
Я верю в мощь российскую.....	144
Промчались годы.....	147
В который раз прощает нас Господь!.....	148

Глава 8. СТРАНА ПЕЧАЛИ И ЛЮБВИ

Любовь.....	150
Всё позади.....	150
Дух букета.....	150
Жар-птица.....	151
Не забывай меня.....	152
Чудо.....	153
Сколько отцвело лугов.....	154
Лета бабьего улыбка.....	155
Мой ангел.....	156
Когда поэт измучен, но влюблён.....	157
Встреча на балу.....	157
Всё будет, только улыбнись.....	158
За снежной пеленой.....	158
Женщины.....	159
Наши жёны.....	159
Берёза.....	160
Берегини.....	160
И где этот трепет 20-го века.....	161

Божественный миг.....	162
Дружба.....	163
Мне обе дочки равно милы.....	165
Анютка.....	167
Моя горошинка.....	168
У меня растёт внучок.....	169
Не плачь, дружок.....	171
Внуку нашему – три года.....	172
Фантазия.....	173
Чего-то не хватает для души.....	174
Будет такая весна.....	175
Непостоянство.....	176
Поэт.....	177
Солонец.....	178

Глава 9. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАЗНОМ

Нужно единство.....	180
На подъёме.....	180
Музыка стихов.....	180
Свобода.....	181
Лодырь.....	181
Столбу.....	181
В пылу девяностого года.....	182
За действия, сулящие успех.....	182
Не всегда серебром покрываются.....	182
Умей прощать своих врагов.....	182
Смерть за веру – это не крушеньё.....	183
Надо мной золотистое небо.....	183
Не говори мне старые слова.....	183

О ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ ГОЛИКОВА.....	184
---------------------------------------	------------

Голиков Валерий Павлович

Всё, чем живу

Избранная лирика

Дизайн и вёрстка
Евдокимычев А.В.

Корректор
Быкова Ф.В.

Фотографии
Соколова М.С., Голикова В.П.

Подписано в печать 18.07.2016
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 12,25.
Заказ №194. Тираж 400 экз.

Издательство «Аверс Плюс», г. Ярославль, ул. Победы, 34.
тел. (4852) 97-69-22

Отпечатана в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии «Аверс Плюс».